

А. И. Завротскій

СИЛА СТАЛИНА

И Е Г О

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА

Издание Н. С. Н. П.

Шанхай

1934.

Национальный Союз Нового Поколения.

Нам нужна Великая Россия, мы
должны быть достойны Ея.

А. И. Завротский

I.

РЕКЛАМА ИДЕЙ.

II.

Сила Сталина и его Ахиллесова пята.

Издание Дальневосточного Отдела Национального
Союза Нового Поколения.

ШАНХАЙ.

1934.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляя собою собраніе по возможности безпристрастных наблюденій, настоящей очерк не дѣлает никаких политических выводов. А между тѣм из этих фактов напрашиваются нѣкоторыя заключенія по вопросу, который наиболѣе интересует эмигрантских дѣятелей — о настроеніях молодежи в совѣтской Россіи.

Нейтральности, равнодушія, безпристрастія в отношеніи к существующему строю — мы не найдем в ея средѣ. Нам встрѣтятся двѣ рѣзко между собою разграниченныя крайности. Есть натуры пассивныя, не нашедшія в себѣ внутренней опоры против гипноза государственной рекламы и превратившіяся в слѣпых обожателей навѣки непостижимой для них воли начальства. Но тѣ, которые однажды усвоили отрицательное, скептическое отношеніе к преподносимой им пропагандѣ — только все болѣе и болѣе укрѣпляются в таком настроеніи под вліяніем ея безконечной повторяемости. К настоящему времени эта страсть, безусловно, возросла до степени изступленной ненависти к тѣм самым словам и символам, с которыми связано представленіе об их мучителях. Но нельзя назвать сознательными убѣжденіями и ту темную, кровавую жажду мести, ко-

торая владѣет умами этой части русскаго народа. Она способна подвигнуть только на акты разрушенія.

Мы не рѣшаемся опредѣлить количественное отношеніе между двумя названными группами в составѣ русскаго народа. Но зная по признаніям самих большевиков, что основныя силы вредительства и сопротивленія их планам заключены в многомилліонных массах крестьянства, мы не можем сомнѣваться в том, гдѣ большинство русскаго народа.

Из сказаннаго однако видно, что напрасны ожиданія нѣкоторых кругов эмиграціи того, что совѣтская дѣйствительность может эволюціонировать. Для обѣих сторон: власти, организовавшей всенародное рабство, создавшей сложной системой рекламы и террора массовый гипноз неизбѣжности этого рабства, и для тѣх, кто платит своим мучителям изступленной звѣриной ненавистью — отступленія нѣтъ, ибо примиреніе невозможно ни при каких обстоятельствах.

Остаются тѣ, кто подверглись этому гипнозу, кто сейчас смотрит на дѣйствительность через очки совѣтской рекламы: возможна-ли для них эволюція их сознанія? Нѣтъ, — до тѣх пор, пока дѣйствует гипноз, а дальше наступит пробужденіе и тогда мгновенная ярость их против виновников обмана будет поистинѣ ужасна. И это знают большевики и потому не смѣют ни отмѣнить, ни ослабить доведенной до виртуозности системы духовнаго порабощенія, они только мѣняют формы, слова и идеи своей государственной рекламы и способы сопровождающаго ее террора, но не ея сущность и не главное ея устремленіе.

Власть, находящаяся в страхѣ, беспощадна, она заключает в лагеря и тюрьмы и истребляет не толь-

ко тѣх, кто обнаружит, что не подвергся гипнозу, не только тѣх, кто пробуждается от него, но и тѣх, кто, по ея предположенію, способен проснуться.

Так было во время сплошной принудительной коллективизаціи, так было при покореніи крестьянских волненій на югѣ Россіи в прошлом году, так было при чисткѣ из вузов и заключеніи в особые лагеря всѣх молодых людей обоого пола, происшедших из интеллигентных и зажиточных семей.

Неправы и тѣ, кто, не ожидая эволюціи, надѣются на то, что національная революція в Россіи совершится однѣми внутренними силами.

Пробужденіе от гипноза наступит тогда, когда будет принесен яркій источник свѣта, настолько яркій, что никакіе очки совѣтской рекламы не помѣшают разглядѣть ужас окружающей дѣйствительности.

Могут-ли тѣ, кто борются против большевиков в Россіи, дать этот свѣтъ? Выше мы сказали, что их ненависть слѣпа, что она способна двигать их только на разрушеніе дѣла их мучителей. И это понятно. Дѣло в том, что совѣтская Россія не только сѹмасшедшій дом, но и тюрьма, огороженная от внѣшняго міра и от прошлаго самой Россіи непроницаемой стѣной. Молодежь совѣтская, а только молодежь в массѣ способна совершать революціонныя дѣйствія, не знает ни прошлаго Россіи, ничего находящагося за предѣлами ея, как-же может она сама создать идеологію національной революціи и ея лозунги, способные увлечь народныя массы? Вѣдь всякая революція совершается сначала в умах и сердцах людей, а затѣм уже переходит в массовое дѣйствіе. А в этих умах и сердцах — пусто, лишь в лучшем случаѣ — одна слѣпая ненависть против рабовладѣльцев большевиков. И вот мы видим два

исхода: или бѣгут за границу, достигнув которой переходят на мирное положеніе, гдѣ объект ненависти недосыгаем, а положительных импульсов нѣтъ, или бросаются на врага вслѣпую и погибают. Так революціи не произойдет.

Все учли, все предусмотрѣли большевики, окружая Россію стѣной, наполняя ее внутри дурманом своей пропаганды.

Не учли, не предусмотрѣли только великаго исхода эмиграціи. 4.000.000 русских людей живут на свободѣ, внѣ всякаго дѣйствія совѣтской рекламы, они знают прошлое Россіи, знают прошлую свободную русскую жизнь, видят и знают, как живут другіе народы, видят и знают весь ужас совѣтской дѣйствительности. Вот гдѣ может быть зажжен источник Національнаго Свѣта, вот откуда должны явиться первоначальныя, пробуждающія и организующія силы Національной Революціи. Онѣ пройдут через тѣ окна, которыя мы должны прорубить в стѣнѣ, сооруженной вокруг Россіи большевиками.

Вот в чем истинное значеніе исторической задачи, которая ложится на эмиграцію. Мы не должны блѣднѣть перед тѣми потоками крови, которые могут пролиться в случаѣ русской національной революціи. Все равно, нынѣшнее господство варварскаго интернаціонала обходится русскому народу дороже в смыслѣ жизней, матеріальнаго и культурнаго достоянія. Но эмиграція должна выработать и воплотить тѣ идеалы и тѣ формы, которыя направят к работѣ созиданія тот огромный запас разрушительной энергіи, который накопился в ея подъаремных собратях. Она должна создать притягательный центр, который соберет воедино безчисленныя частицы, движимыя пока только страшным импуль-

сом отталкиванія. Это великій, отвѣтственный долг — и доступный нам; и Родина потребует у нас отчета о его исполненіи.

И потому Національный Союз Новаго Поколѣнія ни на минуту не забывает этой своей отвѣтственности, он борется за то, чтобы Русское Національное Освободительное Движеніе приобрѣло тѣ размѣры, тѣ формы и ту идеологію, идеологію нашего союза, которыя обезпечат ему успѣх.

Да здравствует

Русская Національная Революція!

Да здравствует

Свобода Русскаго Народа!

Шанхайское Отдѣленіе

Н. С. Н. П.

Август 1934 г.

РЕКЛАМА ИДЕЙ

1. ВВЕДЕНИЕ

Прежде чѣм перейти к очерку одной из важнѣйших сторон дѣятельности коммунистическаго правительства Россіи, приходится произвести разграниченіе нѣкоторых, впрочем всѣм извѣстных, понятій и повторить опредѣленія, ни у кого не вызывающія возраженія.

Мы называем пропагандой (от латинскаго *propagare* — распространять, на примѣр в физикѣ *propagatio lucis* — распространеніе свѣта) распространеніе своих идей с помощью доводов, дѣйствующих на разум. Под агитаціей (от французскаго *agiter* — волновать) подразумѣвают яркіе образы, которые вліяют главным образом на воображеніе и чувство и имѣют цѣлью подвинуть людей к дѣйствию во имя принципов, в справедливости которых они, по предположенію, и раньше были увѣрены.

Таким образом церковная проповѣдь, на примѣр, может ставить своей задачей как пропаганду извѣстных религіозных воззрѣній (как обращеніе невѣрующих), так и агитацію за тѣ или иные подвиги ради их осуществленія.

Напротив, реклама (reclamer — провозглашать, вымогать) применяет не убеждение, а внушение некоторых мнений или вкусов путем многократных повторений одних и тех же фраз, сосредоточения внимания обывателя на определенных именах, фирмах и пр., и, если это возможно, путем изоляции его от всяких опровергающих или просто разбивающих влияний.

Можно было бы подумать, что пропаганда и реклама по существу относятся к разным видам человеческой деятельности: первой обыкновенно отводят в удѣл политическую и всякую иную идейную борьбу, а второй — коммерческую конкуренцию. Но такое размежевание областей применения в действительности строго не соблюдается. И политическим партиям, напимѣр в предвыборных схватках, бывают не чужды методы рекламы. Развѣшивание портретов вождей, большіе, яркіе, бросающіеся в глаза плакаты краткаго содержания: «Голосуйте за республиканцев» и т. п. приемы, конечно, не могут считаться доводами, рассчитанными покорить сознательную волю избирателей. С другой стороны, и торговля фирмы ведут иногда настоящую пропаганду, хотя все это скрашивается под общей кличкой рекламы. Но послѣднее сейчас не входит в предмет нашего разсмотрѣнія.

Возможность и реальное существование рекламы идей, не говоря уже о рекламѣ личностей политических деятелей, наряду с привычным понятіем рекламы товаров, зрѣлищ, промыслов и пр., вряд ли нуждается здѣсь в болѣе подробном обоснованіи. Правящая в Россіи коммунистическая партія открыто признает пропаганду и агитацию одной из главных своих задач, если не прямо основною. Но об идейной рекламѣ она предпочитает не упоминать, а

то и прямо от нея отрещивается. Например, поэт Маяковский, который сначала пользовался таким покровительством властей, был осужден между прочим и по подозрѣнію в попытках подмѣнить пропаганду рекламой.

Осужденіе это, как всегда в подобных случаях в совѣтской Россіи, сразу приняло острыя формы, привело к фактической невозможности писать, отняло средства печати и создало вокруг поэта такую обстановку, которая, вмѣстѣ с другими причинами, побудила его к самоубійству. Так было вознаграждено усердіе, с которым футурист перелагал на стихи изъявленія воли начальства.

Между тѣм мы увидим, что методы рекламы занимают важное, если не первенствующее мѣсто в так наз. пропагандѣ и агитаціи коммунистов. Изложенію этого и будет посвящен настоящій очерк. Слѣдует оговориться, что в дальнѣйшем будет идти рѣчь только о психологическом (и ином) воздѣйствіи, которое коммунистическое правительство оказывает на умы русскаго народа. Извѣстно, что львиную долю своей энергіи и средств оно тратит и на повышение своего престижа среди народов свободнаго міра. Но всѣ использованные здѣсь матеріалы взяты из наблюдений русскаго бѣженца, частнаго лица, и состоят стало быть из фактов всѣм извѣстных внутри Россіи и потому легко поддающихся проверкѣ. Но извѣстны также и совершенно особыя условія, в которыя поставлено населеніе Россіи и поэтому по данным такого рода нельзя дѣлать никаких выводов по аналогіи об их-же внѣшней дѣятельности.

Одним из сильных средств внушить, прямо навязать какую-либо идею является поставить субъекта в условія *мопидеизма* (термин цитирую по Ми-

хайловскому): все, что окружает психику жертвы, напоминает ей только об одном; всѣ разсѣивающія впечатлѣнія стерты и в сознаниі начинает господствовать требуемое представленіе. Область примѣненія термина в психологіи вообще гораздо шире, между прочим к гипнозу, и не только для человѣка, но и для животных. Приходится нѣсколько измѣнять опредѣленіе моноидеизма, прилагая его к рекламѣ. Но нельзя лучше опредѣлить ея наиболее дѣйствительный метод, при котором всякіе разсѣивающіе раздражители тщательно удаляются из поля зрѣнія намѣченной жертвы, вся окружающая обстановка «опустошает» сознаниі и единственное представленіе (отсюда названіе) воцаряется в нем не в силу своей убѣдительности, или иного качества, но просто за отсутствіем всякаго отпора. Разумѣется, не всегда рекламирующая фирма в состояніи создать такіа идеальныя условія для воздѣйствія на потребителей; но совѣтское государство вполне располагает средствами для этого и широко использует их.

2. ИЗОЛЯЦІЯ.

В прежнее время названіе «китайская стѣна» употреблялось как символ того духовнаго и физическаго огражденія от всѣх чужеземных вліяній, склонность к которому приписывалась восточным народам. Но, конечно, в настоящее время Россія по справедливости побилла рекорд по степени изоляціи своих обитателей от всякаго внѣшняго вѣянія. Границы наглухо закрыты для любой иностранной вѣсти, устной или письменной: их охраняют, как стѣны тюрмы. Живущій в Россіи может увидѣть Финляндію развѣ с крыши Исаакія. Внутри страны — никакой частной печати, полное отсутствіе

свободы слова, собраній и печати. Все, что жители Россіи видят, слышат и знают, они получают только от государства—коммунистической партіи.

Что-же государство — опекун дает своих питомцам взамѣн тѣх разнообразных, разнорѣчивых вѣстей, которыя они иначе получали-бы со всего свѣта?

Все—всѣ впечатлѣнія, которыя достигают совѣтскаго подданнаго от его пробужденія утром до возвращенія ко сну, поскольку онѣ зависят от усмотрѣнія властей, рассчитаны на то, чтобы напоминать снова и снова о коммунизмѣ, Ленинѣ, индустриализаціи и так далѣе без конца. Открыв глаза, он взглядывает на календарь и узнает: 1932 год. 15-й год пролетарской революціи, эпитет никогда не будет пропущен... мѣсяц, число... 4-й день пятидневки. Годовщина событій: 18... забастовка в Воронежѣ; 19... бессмертный вождь мірового пролетаріата В. И. Ленин произнес рѣчь на № съѣздѣ по вопросу о... Имя Ленина никогда не употребляют без этого объясненія; а на примѣр о Пушкинѣ никто в Россіи не скажет: умер Пушкин, великій творец русской поэзіи. Кому этим дѣлается больше чести, неизвѣстно.

Может быть на тот-же день пришлась годовщина открытія Америки или рожденія Толстого. Но об этом календарь не упоминает.

Звонок. Почталъон. Счастливый день: письмо от родных и газета. Газету выписывать обязательно, но доставка ея подписчику — это именно рѣдкое счастье. Родные тоже писать не лѣнятся, да не всякое письмо доходит. На конвертѣ он читает свой собственный адрес: Сталинград, улица двадцать пятаго октября,... обратный адрес... в таком-же родѣ. Прочитав письмо, совѣтскій подданный берется за газету. Прочитает ли он в ней о круше-

ни поѣзда по сосѣдству? об уменьшеніи хлѣбнаго пайка в его собственном городѣ и о причинах этого? или хотя бы о рѣчи французскаго делегата в Лигѣ Націй, о которой говорит весь мір? Нѣтъ, зато он узнает, что коллектив рабочих и специалистов №-го завода объявил себя ударниками и подписался на заем индустриализаціи в размѣрѣ 150% мѣсячнаго заработка; что Карачаево-Черкесская автономная республика шлет привѣтствіе Кабардино-Балкарской по поводу 13-лѣтія ея перваго съѣзда; что коммунистическій комитет села № находит политику правительства правильной и одобряет ее. Затѣм иностранный коммунист Х. сдѣлал открытіе, что социализм скоро восторжествует в каждой странѣ, а покаместъ Россія есть отечество пролетаріев всего міра. И так далѣе до конца листа, гдѣ краткое объявленіе извѣщает о том, что сегодня до 12 часов послѣдній срок перерегистраціи хлѣбных карточек с предъявленіем соотвѣтствующих документов, а не прошедшіе хлѣба не получают и дальнѣйшія заявленія приниматься не будут. Других объявленій в совѣтских газетах нѣтъ. Нѣтъ и информаціи — есть только пропаганда.

Но пропаганда-ли это? Нѣтъ, реклама.

Подданный в страхѣ спѣшит в лавку, но вмѣсто вывѣски «булочная» он читает «рабочій кооператив имени Ильича». Он идет на службу в учрежденіе, называемое: рабоче-крестьянской, а не какой иной, инспекціей, хотя по роду его дѣятельности в нем нѣтъ ничего ни рабочаго, ни крестьянскаго. На стѣнѣ перед его глазами плакат: «Выполним пятилѣтку в 4 года!» Другой: «Выполним и перевыполним досрочно контрольную цифру по займу». Первая фраза довольно безобидна своею бессмысленностью; вторая, в переводѣ с совѣтскаго языка на человѣ-

ческой, значит, увы, «раскошеливайся да не мѣшай». Послѣ занятій — собраніе. Рѣчи о побѣдоносном шествіи мірового пролетаріата под предводительством коммунистической партіи и т.д., слово в слово каждый день. Кончается неизмѣнным призывом к какой либо уплатѣ или к бесплатной сверхурочной работѣ. Все это всегда называется добровольным и принимается голосованіем, которое иногда только ввиду особой поспѣшности пропускается.

Усталый, вечером наш служащій идет в кинематограф — самое популярное развлеченіе, и там он видит, как революціонер, надѣленный нечеловѣческой и ловкостью, и хитростью и силой, оставляет окончательно в дураках и без того безмозглаго сыщика — дѣйствіе происходит, понятно, или в до-революціонной Россіи, или за границей. Здѣсь Пугачев декламирует тезисы Маркса; там статуя Ленина призывает малолѣтних преступников к новой жизни.

Так проходит день. Я не говорю о плакатах на заборах, в трамваѣ, в лавках; о спичечных коробках с фирмою «Да дзясяцехгодзъдзя касстричниковоі рэволюцыі» (к счастью, по нѣкоторым признакам можно заключить, что этот язык не совсѣм понятен в самой Бѣлоруссіи); о радіо, по которому обыватель слушает в часы отдыха либо прямо статьи из послѣдняго номера газеты уже извѣстнаго нам содержанія, либо рѣчи важных особ, которыя декламируют эти статьи. Но всего не перечислишь.

Так проходит день — типическій. Не говоря уже о плакатах и спичечных коробках, но и самыя рѣчи и статьи давно уже перестали восприниматься, как доводы для убѣжденія, да утратили всякое вліяніе и на чувство. Вся эта наизусть знакомая фра-

зеологія дѣйствует на сознаніе, порабощает, опустошает его именно своим однообразіем, своими безконечными повтореніями отовсюду, этим сплошным окруженіем. Куда ни посмотри — все напоминает, словами, а не дѣлом, конечно! — Ленин, революція, пролетаріат... Это ли не идеальныя условія моноидеизма? Это-ли не реклама?

Таким образом, всѣ блага, которыми совѣтская власть снабжает населеніе Россіи, и тѣ развлеченія, на которыя она, по правдѣ, гораздо щедрѣе — не имѣют самостоятельнаго значенія, но рассматриваются как вспомогательныя средства для той-же вездѣсушей рекламы. Все подчиняется этой верховной цѣли, всѣ виды государственной и частной дѣятельности. Художественная литература только тогда допускается к печати в послѣднее время, когда в ней отражается, «правильно», т. е. в угодном для начальства видѣ господствующая политика и „уклоны“ — отступленія. Изображается „разложившійся оппортунист“, непременно пьяница или развратник, который „искажает партійную линію на селѣ“: оставляет крестьянам больше хлѣба, чѣм положено по нормѣ. Но автор не удовлетворяется изображеніем гадости „уклониста“ (новое слово!), а обязательно представляет читателю в концѣ „выдержаннаго“ исполнителя, который возстановливает искривленную „генеральную линію“. Послѣднее для того, чтобы преподать читателю лишній урок этой самой „линіи“ и укрѣпить в нем убѣжденіе в ея неизбѣжном торжествѣ.

Чтобы подсластить пилюлю, политика сдобривается стандартизированной художественностью, разговорным языком, бытовыми подробностями, романической фабулой и т. п. иногда к этому примѣшиваются приключенія и т. д. Вообще всѣ виды ли-

тературы, в прозѣ и стихах, подчиняются цѣлям идейной рекламы.

Кинематограф, который, по словам Ленина, является самым полезным для совѣтской власти видом искусства, также вполнѣ подчиняется тѣм-же цѣлям.

Реклама-же является и под масками науки и искусства, по меньшей мѣрѣ она примѣшивается к ним в обязательном порядкѣ. Как иначе можно назвать, напримѣр, учебник физики, который начинается тирадой во славу социалистическаго строительства и изложеніем „пятилѣтняго плана“ или оперу „Днѣпрострой“ и прочіе обычные мотивы „совѣтской“ музыки и живописи?

3. ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК.

Совѣтская власть охотно придумывает новыя слова и выраженія для создаваемых или придумываемых ею понятій — до такой степени, что рѣчь человѣка, прожившаго долго в совѣтской Россіи, становится непонятной для давних русских эмигрантов. Так, он употребляет без всякаго опредѣленія слова: ячейка (коммунистическій комитет в предпріятіи или учрежденіи), распредѣлитель (лавка с правом входа по пропускам), снабженіе (государственная торговля и паек), чистка (исключеніе со службы чиновников или студентов из университета по подозрѣнію в политической неблагонадежности), ударник (усердствующій в исполненіи распоряженій начальства), выдвигенец (получившій повышеніе в должности), сокращеніе (упраздненіе мѣста за ненужностью) и т. д. Здѣсь упомянуты только „цѣлыя“ слова, без тѣх безчисленных словесных обрубков, которые особенно уродуют рѣчь: фининспектор, жилища, дензнак, домком, позав, нарком,

рабкрин, райбиб, предчрезкомснаб, укркурупр, политекономія, церабор, профсоюз, комсомол и так далѣе без конца. Совѣтская власть даже гордится своим новым словарем, увѣряя, что вступающій, якобы, во власть класс пролетаріата создает свой собственный язык. Однако такая номенклатура творится „свыше“, в официальном порядкѣ и вводится для обязательнаго обращенія среди населенія. Напротив, термины, возникающіе стихійно, дѣйствительно народные, презираются, подвергаются преслѣдованію или замалчиваются. Так напримѣр русскій народ называл кратко барщиной то, что официально обозначается „гужевою повинностью“, т. е. обязанность крестьян пахать с собственной тягой поля государственных имѣній и что дѣйствительно представляет своего рода возврат к крѣпостному праву. Далѣе — „совѣтское богословіе“ — діалектической матеріализм; „косушка“ — денежная ассигнація с портретом Ленина, „царь“ — о самом Ленинѣ, „рыковка“ — водка, „піонеры, комсомольцы и партійцы“ — три мѣры водки: бутылка, полбутылка и четверть, „хвост“ — очередь, или, вѣрнѣе, люди, дожидаящіеся очереди и т. д. Разумѣется, такой новый язык не особенно желателен для власти.

Официально составляемая кличка своим тоном, восторженным, или презрительным, выражает отношеніе власть имущих к опредѣляемому явленію. Напримѣр, когда в первые годы существованія совѣтской власти иногда допускались рабочія забастовки и официальная печать еще упоминала о них, она их даже не называла забастовками, а придумала новое названіе „волынка“. Возстанія против иностранных правительств именуются „революціонными выступленіями“, а против совѣтской власти — в тѣ

незапамятные времена, когда о них еще писали — обязательно „бандитскими мятежами“ (например восстание в Кронштадтѣ, в Грузіи), хотя-бы никаких признаков бандитизма в действительности не было. Всякая непріятельская армія непременно „банда“. Русскій національный трехцвѣтный флаг — „пестрая тряпка“. Крестьяне, перебѣгающіе через Днѣстр в Румынію, были обозваны „кулаками“, без всякой фактической провѣрки. И о них заговорили лишь послѣ того, как по всему міру пронеслись вѣсти о массовых побѣгах из „рая трудящихся“, о потоках крови, обогрязющих снѣг под пулями пограничных стражников. Можно привести много других примѣров.

Кромѣ изобрѣтенія новых слов, старыя получают иное примѣненіе. Так, слово „кулак“, употреблявшееся прежде в современном смыслѣ спекулянт или эксплуататор, стало официальной кличкой всякаго крестьянина, имѣющаго земельный надел больше средняго.

4. ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ.

Всякому, даже недавно пріѣхавшему на территорию коммунистической Россіи, бросается в глаза свойственная ей страсть к переименованіям. Слѣдующіе примѣры дадут наглядное, хотя далеко не полное представленіе о том, как обширна и разнообразна эта сторона ея «дѣятельности».

Переименована во первых вся страна: вмѣсто «Россія» приказано говорить союз совѣтских социалистических республик. Что это именно переименовано, а не преобразовано по существу, видно из цѣлаго ряда слѣдующих соображеній. Во первых, в состав так называемаго «союза» вошли только народы, насе-

лявшіе територію бывшей Россійской имперіи, да и то не всѣ: многим, как извѣстно, удалось отстоять дѣйствительную независимость (поляки, литовцы, эстонцы, финны). Ни одного вершка земли, не входившей в состав бывшей Россіи, не вошло и в коммунистическую Россію. Таким образом совѣтская власть просто воспользовалась наслѣдіем стараго, успѣвши только растерять часть. Извѣстно, дальше, каким насильственным путем московское правительство наших дней вторично покоряло себѣ народы окраин Россіи (подавляя возстанія в Грузіи, походы на Хиву и Бухару и т.д.). Извѣстна также вся фиктивность автономіи „независимых республик, входящих в союз“: онѣ управляются по директивам центрального комитета коммунистической партіи, находящагося в Москвѣ, и члены их правительств назначаются из Москвы. Во вторых, до 1923 г. нынѣшній «союз республик» назывался Россійская социалистическая федеративная совѣтская республика. Послѣднее названіе по своей структурѣ, очевидно, вполне аналогично таким «полным» официальным названіям, как *Republique Francaise* (Французская республика), или *Nihon Teikoku* (Японская имперія). Для краткости всѣ говорят, да и в официальной печати допускают упрощенныя названія (Франція, Японія); подобным же естественным сокращеніем из «Россійской социалистической федеративной совѣтской республики» было бы, повидимому, Россія. Но ничто простое и естественное не на руку совѣтской власти. Она не может отказаться от своих длинных искусственных эпитетов, которые для нея служат дополнительным средством рекламы — и вот почему она вводит для обязательнаго употребленія сокращеніе Р. С. Ф. С. Р. Хотя, казалось-бы, этот термин вполне эквивалентен названію

Россія, только менѣе полному — тѣм не менѣе послѣднее не допускается и преслѣдуется, как явно контр-революціонное. В газетах часто встрѣчаются негодующія разъясненія по поводу „ошибки“, т. е. просто обмоявки какого-нибудь «товарища», напоминающія ему, что «никакой Россіи теперь нѣтъ, а есть Р. С. Ф. С. Р.», будто это на одно и то же по существу.

Для чего же введено это неуклюжее переименованіе? С цѣлью внушенія. Когда измѣнено названіе и вдобавок новое слово так ревностно оберегается, начинает казаться, будто что-то измѣнилось по существу. Один из самых распространенных **пріемов** совѣтской рекламы может быть сведен, стало быть, к формулѣ: измѣнять названія, чтобы внушить представленіе об измѣненіи на дѣлѣ. В 1923 году названіе Р. С. Ф. С. Р. было передѣлано в С.С.С.Р. уже без всякой существенной реформы, кроме словесных измѣненій. Однако в своих сношеніях с иностранцами большевики и понынѣ употребляют слово Россія, чтобы быть им понятными. Так, напримѣр на коробках с рыбными консервами, продаваемым по дѣмпинговым цѣнам в изобиліи за границей, написано „made in U. S. S. R. (Russia)“ т. е. сдѣлано в С.С.С.Р. (Россіи). Таким образом официально признано тождество так называемаго «союза» с прежней Россіей. В международных отношеніях примѣняется также и термин «русская нефть», хотя, говоря формально, нефть добывается главным образом в Азербейджанской, а не в Россійской республикѣ, и т. п.

Если же вспомнить вдобавок о грубой поддѣлкѣ «автономій» союзных республик, то мы увидим, что названіе «С.С.С.Р.», связанное с представленіем о каком то союзѣ, представляет собою мошен-

нической подлог, который слѣдует не поддерживать, а всячески разоблачать.

К счастью, эта реклама не всегда достигает цѣли даже среди населенія Россіи. Мнѣ случилось много встрѣчать совѣтских солдат и рабочих, иногда даже состоящих формально членами коммунистической партіи, которые не знали значенія букв С.С.С.Р. или Р. С. Ф. С. Р. и воспринимали эти слова, как нѣчто цѣлое, как условныя, историческія названія вродѣ таких, как на примѣр «Москва» или «Китай».

Другую цѣль преслѣдуют переименованія городов, чрезвычайно многочисленныя. Перечислить их нѣтъ никакой возможности. Приведу нѣсколько примѣров. Переименованы всѣ города, носившіе раньше имена монархов, как на примѣр: Петербург, Екатеринодар, Екатеринослав, Екатеринбург, Елизаветполь и т. д. При этом существует странное заблужденіе, будто, на примѣр, Петербург, или на славянских языках Петроград (на греческом Петрополь, в русской народной рѣчи Питер) назван был так в честь Петра Великаго, или из уваженія к его памяти. Это невѣрно: такое названіе есть простая констатація авторства. Город построен по приказанію Петра Великаго и, мало того, при его личном дѣятельном участіи, можно сказать его собственном трудом.

Для чего-же производятся эти безчисленныя переименованія, так обременяющія память и нерѣдко противорѣчающія здравому смыслу и исторической справедливости, — приводящія кромѣ того иногда к матеріальным убыткам, на примѣр, на желѣзных дорогах? Все с той же цѣлью создать условія моноидеизма, удобныя для рекламы. Пусть даже всякій адрес, всякое географическое указаніе лишній раз

напоминает русским людям о тѣх-же рекламируемых именах: Ленин, Сталин, Свердлов...

К счастью, и этот прием не всегда оказывается удачным. Мы встрѣчались среди солдат и такіе, которые не понимали происхожденія названія Ленинград и думали, что этот город стоит на рѣкѣ Ленѣ, которой и обязан своим именем.

Из других переименованных городов слѣдует упомянуть: Овидіополь, названный так по имени изгнаннаго в Скию Овидія, который умер недалеко от этого мѣста; Пржевальск, в Средней Азій, имя котораго сохраняло память великаго русскаго путешественника, чтимаго в мірѣ повсемѣстно; Царское Село, которое поспѣшили переименовать, очевидно, думая, что его названіе происходит от русскаго корня «царь». Между тѣм в дѣйствительности мы имѣем дѣло с искаженіем прежняго «Сарское село», Сааргоф, старое финское наименованіе, существовавшее еще раньше пріобрѣтенія этой мѣстности Россіей при Петрѣ Великом. Любопытно также, что небольшой городок на Волгѣ Царев переименован в Ленинск, так сказать по наслѣдству. Этим как бы подтвержден оборот рѣчи народа, который называл Ленина царем. Впрочем, одних только Ленинсков по всей Россіи существует нѣсколько, не говоря уже о других комбинаціях из фамиліи Ленина: Ленинград, Ленинанкан, Ульяновск, и т. п. Точно также разнообразны и варіаціи на мотив фамиліи Сталин: Сталино, Сталинград, Сталинабад и т. п.

И эти измѣненныя названія так-же ревниво охраняются. Употребленіе старых названій разсматривается, как проявленіе сочувствія к старому строю, т. е. как контр-революція. Затѣм, во всѣх городах, как переименованных, так и сохранивших свои названія, переименовываются поголовно всѣ улицы. Но-

выя названія дѣлаются традиціонныя, повсемѣстно одинаковыя: улица Революціи, 1-го Мая, 25-го октября, Ленина, Маркса, 3-го іюля (тезоименитство В. И. Ленина) и т. п., иногда менѣе произносимыя имена можно встрѣтить почти в каждом городѣ. В одном Петербургѣ переименовано свыше 300 улиц, т. е. почти всѣ сколько-нибудь замѣтныя улицы столицы даже в ея расширенной городской чертѣ, включая и предмѣстья, — не говоря уже о площадях, мостах, дворцах, скверах — словом, обо всѣх элементах города, которыя также подвергались массовому переименованію. Разумѣется, такія переименованія остаются всецѣло на бумагѣ и отнюдь не проникают в народную рѣчь. Тѣм болѣе послѣднему препятствует неуклюжій, нерѣдко комическій характер новых, искусственных названій. Напримѣр, Невскій проспект, всемірно извѣстный, увѣковѣченный в извѣстной повѣсти Гоголя, получил лаконическое названіе «Улица двадцать пятаго октября». Встрѣчаются и еще болѣе красивыя, как «Первая улица деревенской бѣдности», и такія поэтическія, как «Улица красных роз». При переименованіях не щадятся историческія воспоминанія, связанныя с тѣм или другим названіем; вѣрнѣе, намѣренно заглушаются. Напримѣр в Кіевѣ улица Крещатик получила свое названіе, по преданію, от рѣчки Почайны, в которой Владимір Святой крестил Русь; но ее поспѣшили передѣлать в улицу Воровского. Во Владивостокѣ живописныя названія улиц, носящія мѣстный отпечаток, как напримѣр Алеутская, Свѣтланская и т. п. замѣнены безцвѣтными казенными: улица Ленина, перваго мая и т. д.

Переименованія улиц преслѣдуют ту же цѣль, как и предыдущія — создать вокруг обитателей условія моноидензма. Чтобы показать, как бережно

эти искусственные названія охраняются и каким пріемом внѣдряются, приведу такой примѣр. Профессор Гредескул в Петербургѣ в 1922 году писал в газетѣ доносы на своих собратьев по «дому ученых», профессоров, в том, что они употребляют названіе Милліонная улица, тогда как эта послѣдняя была официально переименована в улицу Халтурина.

Пожалуй, самым курьезным переименованіем и в то же время самым грандіозным по своему объекту является слѣдующее. Часть Каспійскаго моря, извѣстная в географіи под названіем Залива Цесаревича, стала на картах совѣтскаго изданія обозначаться, как «Комсомолец», что значит: член коммунистическаго союза молодежи.

Лихорадочному переименованію, или, по официальной номенклатурѣ, реорганизациі, подверглись всѣ губерніи и иныя административныя подраздѣленія Россіи. Сначала, в 1929 году губерніи были упразднены и замѣнены округами. Округ по своему среднему размѣру занимает промежуточное положеніе между прежней губерніей и уѣздом. Округ в свою очередь распадается на районы, подраздѣленія менѣе уѣзда и больше волости. Все это вмѣстѣ называлось трехстепенной системой управленія и по официальному, не вполне членораздѣльному объясненію должно было каким-то чудом «приблизить власть на мѣстах к трудящемуся населенію». Не прошло и года послѣ вступленія в силу этой благодѣтельной мѣры, как она была отмѣнена, округа, по официальному выраженію, «ликвидированы» и вся полнота власти на мѣстах передана прежним районам. Снова послѣдовали завѣренія о весьма обширной и не совсѣм ясной пользѣ, которую извлечет народ из этого новаго преобразованія. Немало бы-

ло однако лиц, которыя на себѣ в дѣйствительности испытали благопріятныя послѣдствія этих административных реформ. Это были всѣ служашіе бывших губернских учреждений. Сначала, при учрежденіи округов, им пришлось переселиться в новые центры управленія, многим порвать семейныя и общественныя связи, обзаводиться всѣм сначала в измѣненном мѣстѣ жительства. Но еще большому разсѣянію подвергли тѣх-же служащих при переносѣ основного управленія в районы. Центры послѣдних находятся большей частью в селах, по которым и пришлось разѣхаться непривычным горожанам, приспособляясь к новым условіям жизни, и дѣйствительно особенно тяжелым в обездоленной, обобранной совѣтской деревнѣ.

Другія послѣдствія отмѣны округов не замедлили сказаться. По всей громадной Россіи насчитывалось свыше 10.000 районов, да и в отдѣльных так называемых «союзных республиках» их иногда набиралось до тысячи. В том числѣ оказывались большія количества округов одноименных и почта встрѣчала затрудненія при нахожденіи указаннаго адреса. Поэтому приходилось указывать на конвертах названіе прежняго округа, а еще лучше губерніи, и всѣ попытки заставить забыть о них оказывались безуспѣшны. Даже сами совѣтскія учрежденія не оказывались в состояніи провести послѣдовательно новую систему управленія. Напримѣр, сохранились и послѣ отмѣны округов суды, подвѣдомственная которым территория в точности соотвѣтствовала прежнему округу — бывшіе окружные суды. Но самое слово «округ» было запрещено, как противоправительственное, и потому эти суды получили совершенно безсодержательное, ничего не выражающее обозначеніе «межрайонный суд».

Всѣ эти намѣтившіяся неудобства вынудили ввести новое административное подраздѣленіе — область, или край, на этот раз болѣе крупное, чѣм губернія, приблизительно соответствующее прежнему генерал-губернаторству (а в нѣкоторых мѣстах, напримѣр в Сибири, и в точности соответствующее). Но и эта новая реформа оказалась не надолго. Покидая Россію в 1932 году, я застал уже приводящійся в исполненіе приказ отмѣны областей и краев и введенія вмѣсто них иных подраздѣленій, не помню какого наименованія, но по своим размѣрам и границам близко подходящих к первоначальным губерніям.

Так завершилась на этом примѣрѣ пресловутая діалектическая троица: тезис, антитезис, синтезис. Совѣтская власть из кожи вон лѣзет, чтобы замѣнить старое, хотя-бы и хорошее, чѣм-нибудь новым, хотя-бы и плохим. Но соображенія удобства берут в концѣ концов верх и приходится возвращаться к прежним формам. Мы в дальнѣйшем увидим еще много подобных примѣров. Для собственного утѣшенія власти приходится удовлетворяться перемѣной имен, чтобы скрыть нерѣдко свое безсиліе преобразовать что-либо по существу.

Переименованію подвергаются не только собственные, но и нарицательныя имена — названія учреждений, должностей и т.п. Здѣсь опять преслѣдуется та-же цѣль — измѣнить слово, чтобы внушить представленіе о перемѣнѣ на дѣлѣ. Можно составить цѣлый словарь для переводов с совѣтскаго языка на человѣческой и наоборот, из котораго мы приведем нѣсколько наудачу взятых выдержек:

Полиція — милиція. Жандармерія — государственное политическое управленіе, сокращенно Г.П.У. Солдат — красноармеец. Матрос (военный) — кра-

снофлотец. Офицер — красный командир (сокращенно краском). Ремесленник — кустарь. Министр — народный комиссар (сокращенно «нарком»). Цензура — главное управление по делам литературы, сокращено «главлит». Городская управа—городской отдел коммунального хозяйства, сокращенно «горкомхоз». Тюрма — дом принудительных работ, сокращенно «допр». Президент — председатель центрального исполнительного комитета союза советских социалистических республик, сокращенно «всесоюзный староста». Государственное имение — советское хозяйство, сокращенно «совхоз». Государственный контроль — рабоче-крестьянская инспекция, сокращенно «рабкриин» и т.д. Этот список можно было бы продолжить далеко.

Кромѣ задач моноидеистической рекламы и обычного обманчиваго внушенія, переименованія послѣдней категоріи преслѣдуют иногда еще и дополнителныя цѣли. Напримѣр, нѣкоторыя названія успѣли еще раз при старом строѣ приобрести печальную извѣстность, так как с ними было связано представленіе об учрежденіях, служивших в свое время орудіями угнетенія — это слова, которыя в устах либералов и революціонеров стали ругательными. Сюда относятся такія, как цензура, жандармерія и пр. Большевики оставили в силѣ всѣ эти почтенныя установленія, довели до крайности всѣ их прежде имѣвшіяся отрицательныя черты, но измѣнили их названія для того, чтобы имѣть повод провозглашать перед всѣм свѣтом: у нас нѣтъ цензуры — есть только главное управление по делам литературы. Нѣтъ жандармеріи — есть только государственное политическое управленіе, и т.д.

Послѣднее названіе поистинѣ может служить блестящим подтвержденіем изрѣченія Талейрана:

слова даны нам для того, чтобы скрывать наши мысли. В самом дѣлѣ, можно-ли было придумать болѣе безсодержательное, растяжимое, безцвѣтное обозначеніе для подлой инквизиціи, которая во всем свѣтѣ успѣла приобрѣсти извѣстность своим тупым, безсудным звѣрством?

Есть другія слова, наименованія предметов, которыя сами по себѣ непріятны, неудобны для упоминанія. Уже с древних времен существует обычай замѣнять такія слова описательными или переносными, менѣе рѣжущими ухо выраженіями, обычай, называемый эвфеміей. Напримѣр, в древней Греціи вмѣсто „блудница“ говорили „подруга“ — гетера, страшных адских богинь мщенія называли „благодѣтельными“ — Эвменидами. И в русском языкѣ встрѣчаются такія-же смягченныя выраженія: представиться — вмѣсто умереть, лукавый — вмѣсто сатана.

Большевики широко пользуются приемами эвфеміи, в частности в примѣненіи к мѣрам наказанія. Такія слова, как тюрьма, каторга, казнь сами по себѣ непріятны и производили-бы на населеніе Россіи тягостное впечатлѣніе при повтореніи, неизбѣжно частом, даже на страницах скрытной коммунистической печати, тѣм болѣе в устной рѣчи. И вот власть замѣняет их другими, окольными, подслащенными, оборотами: дом принудительных работ, лагерь особаго назначенія, высшая мѣра соціальной защиты. Послѣднее названіе снова может служить образцом виртуозности государственнаго шарлатанства. Что же касается дома принудительных работ, то под это опредѣленіе подходит и всякій совѣтскій завод и всякое правительственное учрежденіе: ибо не принудительнаго труда в совѣтской Россіи нѣтъ.

Среди этих новых „революціонных“ названій

невольно обращает на себя вниманіе большое количество безобразных словесных обрубков, вродѣ рабрин, нарком, вуз, допр и т. п. Чѣм объяснить такое пристрастіе к этим уродливым ублюдкам, если оставить совершенно в сторонѣ обычно распространяемыя басни о „классовом языкѣ“, которых никто не принимает всерьез? Единственная приемлемая попытка толкованія заключается в слѣдующем. Всѣ новыя названія, которыя совѣтская власть изобрѣтает взаменъ старых, чтобы скрыть нерѣдко свое безсиліе создать нѣчто дѣйствительно новое по существу, отличаются таким искусственным, натянутым характером, что никак не удастся вмѣстить их в одно словѣ; между тѣм пользованіе нѣсколькими словами подряд удлинит-бы рѣчь. Напримѣр, коммунисты не имѣют смѣлости пользоваться старым, всѣм понятным термином „министр“, соответствующая которому должность в совѣтской Россіи дѣйствительно существует. Они замѣняют его словом „комиссар“, но непременно хотят приклеить сюда слово народ, чтобы граждане не забыли, чего добраго, о том, что они имѣют дѣло с властью трудящихся. Получается „народный комиссар“; но это явно громоздко для произношенія. Поневоля приходится урѣзывать оба слова, без которых никак нельзя обойтись, и получается „нарком“. Таким же точно образом с помощью неуклюжих искусственных понятій — можно объяснить и „рабкрин, крастком, церебкон“ и пр.

Одной цѣли удастся достигь без сомнѣнія: искусственныя совѣтскія слова в сознаніи русскаго народа крѣпко ассоціируются с представленіем о ненавистном ему коммунистическом гнетѣ. Какое бы новое правительство ни явилось на смѣну нынѣ существующему, оно должно извлечь урок из подобных

народных настроеній и тщательно избѣгать каких-бы то ни было терминов и выраженій, опошленных большевиками. Ибо и на самыя названія в общем представленіи ложится тот же отпечаток самодурства, лживости, омерзѣнія. Самое слово — совѣт, тот самый совѣт рабочих и иных депутатов, который когда-то красовался на знамени социалистических партій, поневолѣ придется замѣнить каким-нибудь другим названіем, ввиду слишком тягостных и позорных воспоминаній, связанных у большинства русскаго народа с этим словом.

В самом дѣлѣ, в современной русской разговорной рѣчи, да, впрочем, уже давно, прилагательное „совѣтскій“ означает ругательство, напримѣр в примѣненіи к качеству товаров. Слово „совѣт“ служит губкой для деревенских дѣтей.

По той-же причинѣ слѣдует совершенно отказаться от системы словесных обрубков (профсоюз, губком и т. п.).

5. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮМОР И САТИРА.

Совѣтская власть охотно прибѣгает к высмѣиванію явленій и сторон жизни, которыя для нея нежелательны. Для этой цѣли в обще-политических газетах помѣщаются каррикатуры и маленькіе фельетоны, а помимо того издаются отдѣльные юмористическіе журналы. Эти послѣдніе обычно бывают недолговѣчны и часто смѣняют друг друга, по названію, конечно, а не по содержанію и направленію.

Над чѣм-же совѣтская власть заставляет смѣяться послушных читателей? Здѣсь опять дѣйствует внушеніе, но как бы обратное. Привыкая каждый день видѣть в газетах и журналах, напримѣр, заграничных противников совѣтской власти —

Болдуина, Бріана и т. п. — в уродливом видѣ, с длинными носами, на кривых ножках, или в каких нибудь неприличных положеніях — читатель поневоле привыкает соединять с их именами представление о чем то нелѣпом, отвратительном; самостоятельной убѣдительностью такой способ изображенія, очевидно, не обладает, так как всякому понятно, что шарж легко нарисовать на кого угодно. Но здѣсь дѣйствует именно обстановка моноидензма, своего рода реклама навыворот. Есть и в иностранных государствах подобные юмористическіе журналы, были и в прежней Россіи: «Новый Сатирикон» и др. Но, во первых, в этих условіях в продажѣ имѣются журналы различных и противоположных направленій и читатель волен покупать тѣ из них, какіе ему вздумается: в одном он найдет карикатуру на социалистов, в другом на націоналистов. Во вторых, журналы свободного юмора, если только они рассчитывают на успѣх, высмѣивают своих противников не безобразным и грубым искаженіем их внѣшности, а комизмом положеній, мѣтко отражающих, в стилизованном видѣ, особенности дѣйствительнаго положенія. Такой юмор дѣйствует как агитація. Об остроуміи совѣтских журналов говорить не приходится. Какой там, в самом дѣлѣ, юмор, когда объект осмѣянія указывается свыше, на основаніи неожиданных и часто таинственных соображеній начальства? Сегодня им велят высмѣивать крестьян, оказывающих сопротивленіе насильственной коллективизаціи, завтра, послѣ извѣстной своим лицомѣріем статьи Сталина „Головокруженіе от успѣхов“ — низовых администраторов, насильственно коллективизирующих крестьян. Проводится, на примѣр „кампанія“ (совѣтская власть управляет Россіей с помощью так называемых кампаній,

т. е. показных, широко рекламируемых мѣропріятій массоваго характера) пониженія цѣн в „кооперациі“, хотя бы цѣною потери прибылей.

Слово „кооперациія“ опять таки нуждается в разъясненіи в совѣтских условіях: „кооперациія“ есть только одна из масок, надѣваемых государственной торговлей. В дѣйствительности, все это пониженіе цѣн остается только на бумагѣ; но чтобы убѣдить населеніе в серьезности своих намѣреній, власти сейчас же изобрѣтают каррикутуру на администраторов, осмѣливающихся нарушать их постановленія. Изображается кооперациія в видѣ матери с двумя дѣтьми; одного зовут Пониженіе цѣн, а другого Прибыль. Второй говорит первому: „А меня мама больше любит“.

Через год та же «кооперациія» получила от начальства противоположныя распоряженія, не столь гласныя, как предыдущія, но зато болѣе ощутительныя для населенія: давать как можно больше доходов, хотя бы цѣною бѣшеннаго вздорожанія предметов первой необходимости. Слѣдовало бы ожидать в юмористическом журналѣ повторенія прошлогодней каррикутуры, только с переменной мѣст обоих ребят: вѣдь это было бы нисколько не менѣе остроумно, чѣм прежде. Но совѣтская власть настолько благоразумна, что не рекламирует своих неблагоприятных поступков. Она обошла этот неприятный вопрос молчаніем, как в юмористических, так и в иных изданіях, так и оставив читателя в невѣдѣніи, кого же из своих дѣтей «кооперациія» любит больше.

Вот еще примѣр. Изображается мошенник—русскій, из всѣх иностранных языков знающій только одно нѣмецкое слово „bitte“, и однако, по подложным документам, проникшій в «закрытый распредѣ-

литель заграничных специалистов». Что же смѣшнѣе в этом фельетонѣ — то ли, что какой то плут поддѣлал пропуск, или то, что в центрѣ Москвы, «независимой и могущественной столицы», помѣщается «закрытый распредѣлитель заграничных специалистов» — т.е. охраняемый полиціей пріют сытых иностранцев среди голодающаго мѣстнаго населенія, магазин, в который «вход русским и собакам воспрещен»?

Таким способом старается совѣтская власть при помощи услужливых борзописцев вводить населеніе в заблужденіе относительно направленія ея собственной политики. Но как ни туп и тяжел бывает их юмор на заказныя темы, и он подчас пріобрѣтает неподдѣльную живость и остроту в тѣх, хотя и рѣдких, случаях, когда ему позволяют направить свое жало против недостатков внутренняго устройства — конечно, только в мелочах.

Напримѣр, в одном из новѣйших журналов «Крокодил» (власти боятся давать подобным изданіям болѣе опредѣленные названія, чтобы не впасть в «уклон») — встрѣчаются слѣдующія цѣнные признанія. В одной деревнѣ большинство лиц, формально числящихся членами коммунистической партіи, не знакомы ни с программой, ни с уставом ея. Автор может по собственным наблюденіям подтвердить, что такое явленіе встрѣчается повсемѣстно. Один член коммунистическаго союза молодежи выражает увѣренность в том, что в конкретных условіях его «коллективнаго хозяйства» возможно примѣнить всѣ шесть так называемых «указаній Сталина» — т.е. заповѣдей новаго пророка: замѣтьте, всѣ шесть; но не знает, в чем эти «указанія» состоятъ.

Другой раз тот же «Крокодил» открыл интересную кампанію против злоупотребленій діалекти-

ческим матеріалізмом — наприклад против странных попыток примѣненія его к кузнечному дѣлу, к рыболовству и т. п. Правда, на такую смѣлость журнал рѣшился только послѣ появленія соотвѣтствующей статьи в „Правдѣ“, которая дала темы и направленія подчиненным изданіям, во славу „свободы печати для трудящихся“, обезпеченной совѣтской конституціей. Сюда же „Крокодил“ прибавил нѣсколько дѣйствительно остроумных замѣток по поводу „эпидеміи самообличеній“, в связи с тою поспѣшностью, с которой напуганные совѣтскіе горе-ученые отрекались от своих собственных воззрѣній, из боязни быть уличенными в каком-либо „уклонѣ“.

6. СЛОВЕСНАЯ ФАЛЬСИФИКАЦІЯ.

Коммунистическая печать (а никакой другой в Россіи нѣтъ совѣм) — любит словесныя передержки с цѣлью внушенія. Наприклад, там, гдѣ слѣдовало бы сказать „совѣтская власть“, или еще правильнѣе „коммунистическая партія“, говорится без всяких оговорок „рабочіе и крестьяне“ „С тѣх пор, как власть принадлежит рабочим и крестьянам“, „отвѣт рабочих и крестьян британскому империализму“ и т. п. выраженія, обычныя в совѣтской прессѣ и в устах официальных ораторов, представляют собою именно словесную фальсификацію, так как режим коммунистической диктатуры не дает никакой возможности провѣрить, дѣйствительно-ли власть в Россіи принадлежит рабочим и крестьянам.

Точно также дѣйствія, наприклад, германской или англійской коммунистической партіи, живущей подачками из Москвы, на словах отождествляются с поступками „трудящихся масс“ Германіи или Англии, хотя эти послѣднія в значительном боль-

шинствѣ, при условіяхъ полной демократіи и высокой сознательности, голосуютъ за націонал-соціалистическую, или рабочую партію, открыто враждебную коммунизму.

Проповѣдь основныхъ взглядовъ марксизма, выгодныхъ для правящей верхушки, для населенія производится пріемомъ не убѣжденія, а внушенія, не пропаганды, а рекламы. Сюда относятся идеи классовой борьбы, историческаго матеріализма, интернаціонализма и т. п. Ихъ подносятъ народу, какъ предвзятые идеи, заставляя его вѣрить, будто онъ самъ мыслитъ такъ и не можетъ мыслить иначе. Даже въ сводѣ уголовныхъ законовъ, въ статьѣ о „контр-революціи“ говорится о „содѣйствіи той части міровой буржуазіи, которая пытается посредствомъ интервенціи свергнуть единственную въ мірѣ власть рабочихъ и крестьянъ“ — т. е. фактъ существованія такого рода „части международной буржуазіи“ принимается настолько достовѣрнымъ, что о немъ упоминается даже въ статьѣ закона, гдѣ именно требуется какъ можно болѣе четко и недвусмысленно формулировать. Въ бытовыхъ повѣстяхъ, иныхъ беллетристическихъ и драматическихъ произведеніяхъ, изображеннымъ крестьянамъ и рабочимъ влагаются въ уста тирады о „братьяхъ по классу“, „намъ не нужна война“ и другіе тезисы коммунизма, не считаясь ни съ условіями мѣста и времени, ни съ характеромъ дѣйствующаго лица. Столь же фальшиво изображеніе и тѣхъ, кого совѣтская власть выдаетъ за своихъ враговъ. Подъ это названіе, съ ея точки зрѣнія, подходитъ всякій, причисляемый къ „буржуазіи“ въ силу отвлеченныхъ принциповъ марксизма—купецъ, промышленникъ, лицо духовнаго званія, наконецъ просто крестьянинъ, имѣющій земельный надѣлъ выше средняго и т. п., хотя бы онъ ничѣмъ не проявилъ, ни на словахъ, ни на дѣлѣ, своего недруже-

любія к совѣтской власти. В частности, извѣстно, что русскіе торговцы, особенно мелкіе, вели себя в отношеніи совѣтской власти вполне лояльно и ничѣм не провоцировали тѣх мошеннических и грабительских пріемов, к которым она прибѣгала, чтобы разорить их.

Но личность для совѣтской власти не существует, равно как и ея склонности, стремленія и пр. У коммунистов ко всему „классовый“, т. е. стадный подход. „Соціальное происхождение“ замѣняет все. И если изображается „капиталист“ на сценѣ, в повѣсти, в фельетонѣ — он непременно отзывается с ненавистью о „рабочем классѣ“ в цѣлом, мечтает низвергнуть „власть пролетаріата в Россіи“ — т. е. воздает ея деспотическому правительству ни на чем не основанную лесть. В своих произведеніях авторы-коммунисты заставляют своих врагов говорить своим языком, чтобы внушить населенію, будто эти-же идеи исповѣдуются всѣми и ни в ком не вызывают сомнѣнія.

Ложно изображают большевики и своих политических противников, вкладывая им в уста марксистскую фразеологію, очевидно выгодную для коммунистов, и таким образом заставляют их поднимать самих себя на смѣх. Офицер непріятельской арміи открыто высказывается за власть „буржуазіи“ и против „пролетаріата“ — т. е. сам о себѣ повторяет ту клевету, которую на него возводит совѣтская власть. Эта послѣдняя охотно изображает своих врагов и передает тѣ обвиненія, которыя они на нее возводят, но только тогда, когда эти обвиненія носят вздорный, явно неосновательный характер, притом касаются мелочей. С особенным торжеством коммунисты цитируют, когда кто нибудь за границей выдумает, будто в „коммунистическій союз мо-

лодежи“ записывают насильно, приставляя револьвер к виску; или о разрушеніи Александровской колонны в Петербургѣ; или о расхожденіях между Сталиным и Молотовым, когда в дѣйствительности второй повинуется первому, не разсуждая. Но когда на страницах эмигрантской или иностранной печати появляются дѣйствительно тяжкія разоблаченія позорных или смѣшных сторон совѣтскаго гнета: тогда совѣтская печать предпочитает не высмѣивать их и не опровергать, а просто обходит молчаніем. Она не упоминает о том, как весь мір заговорил о насильственном распространеніи облигацій государственных займов; о распродажѣ художественных цѣнностей Эрмитажа; или хотя бы об изъятіи Сталиным из обращенія сочиненій того самаго Ленина, послѣдователем котораго он себя официально называет. Но перечислять приемы угнетенія и обмана, которыми только и держится коммунистическій строй — это труд, который не может помѣститься в рамках никакой статьи.

Охотно распространяет совѣтская власть среди своих подданных мие о том, будто она с самаго своего появленія стоит в центрѣ всеобщаго вниманія, разбила весь мір на два лагеря, будто всѣ эти пятнадцать лѣтъ нѣтъ вовсе других политических вопросов, кромѣ дилеммы: поддерживать или свергать коммунистическій строй, установившійся в Россіи? Изображается ли какой-нибудь американскій миллионер, во снѣ и наяву он грезит только об одном — о россійском коммунистическом строѣ и его низложеніи — хотя всѣм извѣстно то равнодушіе, с которым американскіе дѣловые круги смотрят на внутренніе политическіе вопросы иностранных государств. Русских коммерческих представителей они разсматривают, как обыкновенных контрагентов, вопрос о

сношеніях с которыми рѣшается соображеніями выгоды. Этому воображаемому „капиталисту“ вездѣ мерещится пресловутая „рука Москвы“ — фикція, по странном ходу дѣл избрѣтенная в самой Москвѣ. В совѣтской печати иногда появляются письма, которыя она приписывает либо эмигрировавшим русским промышленникам и дворянам, либо заграничным политическим дѣятелям, якобы секретныя и доставшіяся тайным агентам совѣтской власти. Но подлог этим писем нетрудно обнаружить. Правда, с внѣшней стороны в них поддѣлка произведена искусно: ять и твердый знак, „слава недѣлимой Россіи“, „помазанник Божій“ и другіе внѣшніе атрибуты соблюдены безупречно. Но противник коммунизма мыслит по коммунистически, говорит марксистским языком: буржуазія, пролетаріат, классовая борьба, эксплуатація — только, понятно, совѣтская власть вкладывает ему в уста тезисы, противоположные ея собственным. А изложенныя марксистским языком, нарочито выгодным для коммунистов, его положенія пріобрѣтают явно противорѣчивый и нелѣпый вид. Так злоупотребляет совѣтская печать доврчивостью своих читателей и невѣжеством извѣстной части их.

Эмигрантская печать должна извлечь урок из совѣтских пріемов фальсификаціи и злоупотребленія и не публиковать о совѣтской Россіи плохо проверенных слухов с цѣлью сенсаци. Этим она только льет воду на мельницу коммунистической рекламы. А однѣх только правдивых свѣдѣній об условіях совѣтской дѣйствительности, если-бы онѣ были только полны и основательно подтверждены, было-бы достаточно, чтобы залить мір негодованіем и окончательно оттолкнуть от коммунизма тѣх честных дѣятелей, которые еще по недоразумѣнію его

поддерживают — но, разумеется, не тѣх, кто извлекает из этой поддержки матеріальную выгоду.

Еще одна басня, распускаемая властями среди населенія, достойна быть отмѣчена. Это сказка о том, будто весь мір, или, как большевики предпочитают выражаться, „капиталистическія государства“, всѣ, поголовно, готовят войну против совѣтской Россіи. Опровергать по существу это положеніе, здѣсь, за границей, гдѣ всѣм извѣстно дѣйствительное положеніе, очевидно, не стоит труда. Но любопытен слѣдующій пріем совѣтской фальсификаціи. Басня о „готовящейся войнѣ“ распространяется уже свыше 7 лѣт и в любое мгновеніе положеніе представляется в таком видѣ, будто „именно сейчас опасность войны назрѣла особенно, как никогда“. Эти тревожные слухи дают властям превосходный предлог требовать постоянно от населенія выполненія дополнительных повинностей, устанавливать все новые поборы, оправдывать террор и неправосудіе, снимать с повѣстки дня всѣ вопросы улучшенія народнаго быта — при помощи все тѣх же ссылок на „напряженное, ненормальное положеніе“. Но самое главное, совѣтская власть успѣвает под прикрытіем этих слухов укрѣплять свою собственную армію, проводить самую напряженную в мірѣ милитаристическую политику, цѣною крайняго истощенія средств внутренняго населенія. И обвиняя всѣх и каждого в поджигательствѣ к новой всемірной бойнѣ, совѣтская Россія сама представляет основной очаг войны на землѣ. Под разными масками производится эта работа по разрушенію мира под шумок неосновательных обвиненій; тут и провокаціонныя рѣчи Литвинова в комиссіи по разоруженію, всѣ виды легальной и нелегальной дѣятельности подкупленных иностранных коммунистов, злоупотребляющих

довѣрчивостью европейской демократіи; и открытая разлагающая дѣятельность III интернаціонала, поддерживающаго всѣ возстанія, раздувающаго всѣ конфликты, и подпольная работа его разных секцій, и двусмысленная игра дипломатіи. Интересно сопоставить с этими усиленно муссируемыми слухами о подготовкѣ войны, по совѣтскому выраженію „интервенціи“, слѣдующій фактъ (кстати характеризующій точность совѣтской информации). Когда Россія в дѣйствительности затѣяла войну с Китаем в 1929 г. и сообщеніе по Сибирской ж. дорогѣ было в связи с этим остановлено, оффиціальныя газеты центральной Россіи скрывали самый фактъ военных дѣйствій, так что даже самое возвращеніе Китайско-Восточной ж. дороги в результатѣ побѣды русскаго оружія было приписано успѣхам дипломатіи. О возможных мотивах этого грандіознаго обмана и нѣкоторых интересных выводах отсюда будет изложено в другом мѣстѣ.

7. ВНУШЕНІЕ ДѢЙСТВИЕМ.

Но самым сильным средством внушенія является — заставить людей дѣйствовать для осуществленія внушаемых им идей. Эти послѣднія могут быть сначала чужды, даже противны намѣченной жертвѣ, но в данном случаѣ причина как бы мѣняется мѣстом со слѣдствием. Не извѣстныя убѣжденія подвигают людей на поступки во имя их исполненія, а наоборот — поступки, хотя и совершаемые по принужденію или даже против воли, безсознательно навѣвают соотвѣтствующія убѣжденія.

Большевики также широко пользуются им. Они заставляют cadaго своего подданнаго принимать активное участіе в их дѣятельности, именуемой

„соціалістическим строительством“, сначала, конечно, во второстепенных, подчиненных ролях, если они ему не особенно доверяют. Поступая помимо своих убеждений, а иногда и наперекор им, подданный однако приучается к своим неприятным обязанностям, поневоле привыкает исполнять их добросовестно, заучивает обязательные фразы, а эти последние мало-по-малу проникают и в сознание.

С этой целью применяется втягивание в так называемую „общественную работу“ — она представляет фактическую обязанность почти всякого трудящегося, будь он рабочий, деятель умственного труда, студент или школьник, во всяком случае каждого члена профессионального союза, если он дорожит своею принадлежностью к последнему. „Общественная работа“ или „нагрузка“, как ее иначе называют, заключается в бесплатном выполнении самых разнообразных обязанностей, как то: „снабжение“, — т.е. забота о раздобывании продуктов потребления, особенно затруднительном в России после удешевления частной торговли и окончательного банкротства государственной; принятие членских взносов в профессиональные союзы, ведение их финансовых и иных дел; бесплатные дополнительные часы работы по собственной специальности, лекции общеобразовательного, технического или практического характера, обучение грамоте, но чаще доклады пропагандного содержания, обязательные политические выступления, антирелигиозные, милитаристические и иные проповеди. Но даже такого рода принудительные нагрузки, заставляющие людей часто говорить и действовать против собственной совести, все таки менее унижительны, чем принимаемые некоторыми поневоле обязанности „блюсти идейную чистоту“, т.е. следить за политической благонадежностью (по оф-

фіціальной терминологіі „ідеологіческой выдержанностью“) своих товарищей и в случаѣ надобности доносить либо вслух на общих собраніях, либо в печати.

Вышеприведенные примѣры дают представленіе, далеко не полное, только о постоянных, как-бы основных „общественных нагрузках“. Но помимо этого, на плечи трудящихся непрестанно взваливают выѣочередныя, спеціальныя порученія по всевозможным поводам. Сюда относятся комиссіи по празднованію государственных торжеств, по соответствующему украшенію помѣщеній, подготовкѣ собраний, вечеринок и т.п., по обслѣдованію дѣятельности государственной торговли, именуемой иногда „кооперацией“, с точки зрѣнія выполненія ею директив центральных властей; подобнаго-же рода работы просвѣтительных и так называемых „общественных“ организацій (клубов, „добровольных кружков“ и курсов), которыя в дѣйствительности учреждаются по указаніям начальства и заполняются в принудительном порядкѣ. Лицам, насильственно или незаметно втянутым в эту „общественную работу“, поневолѣ приходится основательно знакомиться с упомянутыми директивами из центра, которыя в большинствѣ случаев носят не дѣловой, а рекламный характер, вникать в подробности, нерѣдко темныя, наконец заботиться об их исполненіи на дѣлѣ, поскольку это оказывается возможным. Немудрено, что тѣ идеи, на которых заставляют сосредоточить вниманіе, которыя принуждают защищать на практикѣ от всяких уклоненій, понемногу начинают казаться привычными, необходимыми, так что невольный исполнитель забывает наконец, что можно думать и воспринимать мір иначе.

Самый распространенный в послѣднее время и,

пожалуй, самый невинный в смыслъ идейной рекламы вид „общественных работ“, это различныя задания чисто физическаго труда, которыя даются чиновникам, студентам, а иногда даже и фабричным рабочим во внѣочередные часы и дни („дни отдыха“): копаніе канав и ям, кладка кирпича, уборка хлѣба и иныя земледѣльческія работы там, гдѣ с ними не успѣваютъ справиться собственными силами и т.д. Впрочем, только в центральных городах: Петербургѣ, Москвѣ и др. эти работы носят такой скромный характер: на один свободный день, или с отрывом от основных занятій всего на нѣсколько дней. Но на окраинах Россіи онѣ нерѣдко достигают чудовищных размѣров, причем с особенной безцеремонностью распоряжающіяся организациі опустошают высшія, да и иныя, учебныя заведенія, разгоняя студентов по самым различным поводам на цѣлые мѣсяцы и тѣм совершенно лишая их возможности выполнять учебные планы в опредѣленные сроки. Напримѣр, в Екатеринославѣ цѣлый курс горнаго института был на цѣлый год направлен на черную работу в шахты, чѣм и отсрочен его выпуск по крайней мѣрѣ на тот-же срок. Конечно, такая посылка на работу производится в принудительном порядкѣ. Отказ от нея вообще влечет за собою исключеніе из учебнаго заведенія; но на практикѣ даже заявленія о добровольном отказѣ от права ученія во время такого рода принудительнаго труда не принимаются; а в случаѣ упорнаго уклоненія дѣла об этих лицах передаются в суд. Да и повсемѣстно достаточным поводом для срыва учебных занятій на нѣсколько мѣсяцев в году считаютъ всякія сельскохозяйственныя работы, как посѣвъ, жатва, уборка и т.п., с которыми никак не успѣваютъ справиться с тѣх пор, как земля из рук частных

владѣльцев перешла в распоряженіе государства и так называемых „коллективов“: рубка лѣса зимой и сплав его весной; ловля рыбы; расчистка дорог, путей от снѣга и т. п. Вслѣдствіе этого часто наблюдаются забавные случаи, когда болѣе поздній пріем какого либо учебнаго заведенія оканчивает его прежде другого, раньше принятаго, но потерявшаго больше времени на так называемых „хозяйственных кампаніях“ и „прорывах“. Послѣдній живописный термин неудержимо напоминает о Тришкином кафтанѣ...

Мнѣ извѣстен совсѣм оригинальный случай, и навѣрное не единственный в своем родѣ, когда подобный принудительный труд, хотя и под маской поддѣльной совѣтской добровольности, был назначен лицам, проводящим отпуск в домѣ отдыха. Комментаріи к этому случаю излишни.

Одним из наиболѣе циничных и в то-же время наиболѣе унизительных и для себя и для других видов общественной работы является участіе в так называемых стѣнных газетах. Стѣнные газеты издаются во всѣх учрежденіях, заводах, учебных заведеніях, воинских подраздѣленіях, сельских общинах и т. д. силами участников, служащих, членов и т. д., но всегда под руководством соотвѣтствующей коммунистической «ячейки». Только в болѣе крупных единицах такого рода выходят многотиражные изданія, печатаемые литографским способом, а при еще большем числѣ экземпляров и типографским, и распространяются среди участников путем либо подписки, либо розничной продажи, как и обыкновенныя газеты. Но основной матеріал для таких, как стѣнных, так и размножаемых, изданій составляют, кромѣ обычных рекламно-политических статей, всевозможные доносы как личнаго, так и политическа-

го характера, опроверженія на которые, как правило, не принимаются. Любопытно, что от общественной обязанности писать в стѣнную газету не удается уклониться никому, даже лицам, находящимся в совершенно особых условіях. Напримѣр, сибирскій пассажирскій поѣзд проходит свой маршрут в 14 дней. За это время пассажиры дальняго слѣдованія успѣвают отчасти познакомиться и друг с другом и с поѣздной прислугой. И вот, в этом поѣздѣ выходит стѣнная газета, которая вывѣшивается гдѣ-нибудь в корридорѣ, обычнаго для таких газет содержанія, при участіи как пассажиров, так и проводников и прочих.

Одной из цѣлей такого внушенія дѣйствіем в обычных условіях является также созданіе условій моноидеизма. Весь день человѣка должен быть заполнен политико-общественными функціями, у него не должно оставаться свободнаго времени в личном распоряженіи, которое он мог-бы использовать для наблюдений и критических размышлений об окружающем. И эта цѣль дѣйствительно достигається. В частности, для студентов впрямь создаются такія условія, при которых никто из них никогда не остается один. С конца занятій до поздней ночи ежедневно всевозможныя собранія, выполненіе разнообразных „общественных“ функцій; даже домашнюю подготовку студента к предстоящим академическим занятіям коммунистическая власть умышленно переводит, под разными предлогами, на коллективныя формы, так называемыя „академическія бригады“; об этом подробнѣе сказано в книгѣ автора „Красные вандалы“. Поэтому нежеланіе вовлекаться в „общественную работу“ политическаго характера, т. е. так называемая аполитичность, расцѣнивается паравнѣ с открытой враждебностью к существую-

шему строю. Предполагается, во первых, что мотивом подобнаго рода отказов служит несочувствіе к принципам, положенным в основу предлагаемой дѣятельности; а во вторых, что лицо, у котораго остается слишком много досуга для самостоятельной выработки мнѣній, придет к не особенно выгодным для совѣтской власти заключеніям. Первое соображеніе далеко не всегда основательно: но второе глубоко вѣрно. В качествѣ примѣра к этому положенію можно привести мои личныя самонаблюденія. В теченіи многих лѣтъ, почти с дѣтства, я усвоил рѣзко отрицательное, враждебное отношеніе к коммунистическому господству; тѣм не менѣе, скрывая это, я был вынужден принимать различныя „общественныя нагрузки“, хотя и старался выбирать наиболѣе нейтральныя в политическом отношеніи, как то: „снабжение“, финансовую отчетность, общеобразовательныя лекціи и т. п. Но и в этих видах дѣятельности приходилось изучать хитроумныя указанія начальства, вникать в их дух, заботиться об их проведеніи на дѣлѣ. И всегда требовалось громадное напряженіе сознательной воли, чтобы не поддаться их усыпляющему дурману, не пріучиться мыслить совѣтскими терминами, не начать вѣрить наперекор очевидности. А иногда дополнительно требовалось и обратное самовнушеніе, как то, к которому прибѣгают люди, желающіе противостоятъ гипнозу.

Газеты приходилось выписывать по обязанности, но я их не читал, так как давно уже не надѣялся найти в них какую нибудь общую информацію; я даже удаляя их с моего стола, чтобы и случайно взгляд не упал на эту наркотически дѣйствующую однообразную фразеологію, опору моноидеизма. Только такими средствами удавалось поддерживать

в себѣ независимость возрѣній.

Таковы переживанія убѣжденнаго врага. Что-же говорить о тѣх людях, которые первоначально были просто нейтральны, равнодушны к политикѣ и к совѣтской власти, по крайней мѣрѣ до тѣх пор, пока не испытали ея когтей? В чем они найдут опору против этого коварнаго соблазна?

А вѣдь одною так называемою „общественной нагрузкой“ далеко не исчерпываются различныя формы могущественнаго внушенія дѣйствиєм, этих тенет, которыя коммунистическая диктатура накидывает на умы своих жертв.

Вторым могущественным средством такого-же внушенія являются так называемыя „политическія занятія“. От этого обряда также никому не удастся уйти. Во всѣх без исключенія учебных заведеніях от дѣтских садов до университетов и спеціальных академій отведены по расписанію спеціальныя часы для политических занятій, часто под разными масками и названіями отнимающих значительную часть урочнаго времени. Но кромѣ таких откровенно-обязательных занятій, в свободное время (по вечерам) устраиваются еще кружки, курсы и иныя, якобы добровольныя, собранія, с той же цѣлью изученія текущей политики. В дѣйствительности, однако, участіе в них вмѣняется в обязанность так называемою профессиональною дисциплиною, т. е., выражаясь яснѣе, непосѣщеніе их влечет за собою для членов профессиональных союзов выбытіе из таковых, и всегда сопряженную с этим потерю всѣх гражданских прав; для студентов нерѣдко исключеніе из соотвѣтствующаго учебнаго заведенія; для учеников других школ равносильно неприятыя послѣдствія. Таким образом, как и всегда в совѣтской Россіи, формально-добровольныя

занятія оказываются так-же принудительными, как и другія.

Да и за посѣщеніем откровенно-обязательных политических занятій слѣдят больше, чѣм за общей учебной дисциплиной. Пропуск обыкновенных лекцій влечет за собою простое академическое взысканіе, которое в большинствѣ случаев не сопряжено с тягостными послѣдствіями. Кромѣ того, здѣсь охотно принимаются во вниманіе всякія смягчающія вину обстоятельства и уважительныя причины. А дѣло о неявкѣ на политическія занятія разбирается в профессиональном порядкѣ, что, по общему признанію, гораздо страшнѣе, а здѣсь уже никакая причина не считается уважительной. Оффиціальныя учебныя организациі откровенно провозглашают, что „посѣщеніе политических занятій важнѣе посѣщенія академических лекцій“.

В военных частях точно так-же „политическія занятія“ включаются в расписаніе служебнаго времени как рядового, так и команднаго состава. И точно так-же в свободные часы назначаются дополнительные занятія на тѣ-же темы, часто под разнообразными формами и предлогами отнимающія у солдат и командиров оставшееся в их распоряженіи время до глубокой ночи. Но в отличіе от гражданских организаций, в арміи не скрывается принудительный в большинствѣ случаев характер и этих послѣдних. Только на них посылает не строевой командир, как на службу, а особый „политическій руководитель“, или комиссар, лицо, надѣленное фактически не меньшей властью в каждой части.

Наконец, в государственных учрежденіях, на фабриках и т.п. политическія занятія устраиваются, конечно, только в неприсутственные часы, обычными

совѣтскими методами принужденія, под разными названіями и формами.

В чем же заключаются эти политическія занятія, эта неумолимая повинность, от которой не позволяют уклоняться никому из граждан? Примѣрная схема их слѣдующая. В концѣ каждаго занятія руководитель дает участникам задание на слѣдующій раз: какой-нибудь вопрос из текущей политики и обязательный матеріал для прочтенія по нему: какую-нибудь статью из газеты, почти исключительно из „Правды“, с указаніем номера и даты, отдѣльную брошюру, оттиск рѣчи какого-нибудь из „вождей“, иногда даже просто извѣстныя страницы из творений новаго пророка — Сталина. Слѣдующее занятіе начинается с провѣрки усвоенія. Руководитель задает участникам контрольные вопросы, причем строго слѣдит за тѣм, чтобы отвѣты давались в духѣ указанного матеріала. Замѣчая малѣйшее уклоненіе, он немедленно дает от себя разъясненіе, либо предлагает кому-либо из болѣе „знающих“ и надежных участников выправить ошибку по существу, для того, чтобы возстановить у остальных слушателей „правильное т.е. оффиціально утвержденное представленіе о дѣлѣ. Но вслѣд затѣм он дѣлает строгое осужденіе и оцѣнку допущенному „укло-ну“, опредѣляет его мѣсто в оффиціальной классификаціи „уклонов“ и в связи с этим анализирует его „классовые“ и „идеологическіе“ корни. Из этого слѣдует, что на политических занятіях надо держать ухо востро: случайная обмолвка может быть легко принята за признак неблагонадежных настроеній, откуда могут вытечь сразу очень тягостныя „организаціонныя послѣдствія“ в уже упомянутом родѣ. Поэтому к политическим занятіям всѣ дѣйствительно готовятся очень добросовѣстно; не только зазубри-

вают формулировки основных положений, что безусловно обязательно, так как к малѣйшему словесному измѣненію могут придраться не на шутку: но и старательно вникают в смысл источников, так как руководители часто примѣняют систему провокаціонных и сбивчивых вопросов, с цѣлью провѣрить не только фактическія свѣдѣнія, но и „идеологическую выдержанность“. А затѣм снова причина мѣняется мѣстом со слѣдствием. Не потому люди высказываются в извѣстном духѣ, что исповѣдывают соотвѣтствующія убѣжденія, но под вліяніем внѣшней необходимости высказываться заданными фразами, готовиться к ним, заранѣе преодолевать возможные возраженія — возникает, незамѣтно овладевает разсудком привычка и мыслить тѣми-же категоріями, принимать данную точку зрѣнія за единственно возможную.

Темами для политических занятій могут служить различныя событія внѣшней или внутренней политики, дѣйствительныя или воображаемыя: рѣчь Литвинова в комиссіи по разоруженію (но отнюдь не высказыванія других дѣятелей), война, которую якобы готовит Польша или Японія против совѣтской Россіи, так называемыя „контрольныя цифры народнаго хозяйства“, т.е. данныя пресловутаго „пятилѣтняго плана“; сфабрикованные процессы „вредителей“ и т.п. Понятно, что цѣлый ряд вопросов по подобным темам носит не только інформаціонный, но и провокаціонный характер, заставляя людей конкретно высказывать свое отношеніе к разбираемым явленіям, и притом именно в желательном для начальства духѣ; солидаризироваться с самыми гнусными дѣйствіями правительства, высказываться нерѣдко наперекор своим убѣжденіям. И если эти послѣднія не были особенно прочны с самага нача-

ла, то онѣ легко ломаются в таких столкновеніях.

Если „уклоны“, обнаруженные во время политических занятій, сравнительно невинны и безобидны, то о них публикуют в мѣстной газетѣ, или в стѣнной газетѣ, обязательно с оглашеніем фамиліи провинившагося. Нерѣдко заставляют также его товарищей, а то и служащих, или учащихся других мѣст выносить резолюціи протеста, гласно отмежеваться от „оппортунистически-оппозиціоннаго“ выступленія такого-то, или требовать для него по меньшей мѣрѣ дисциплинарнаго взысканія, но иногда и болѣе тяжкаго. Но если неосторожно высказанныя обвиненія оказались дѣйствительно мѣткими и больно бьющими по властям, то их обходят молчаніем, а их автору поспѣшно зажимают рот и нерѣдко он совсѣм исчезает из общаго поля зрѣнія: за такія дѣла берется Г.П.У. Впрочем, и в подобных случаях иногда примѣняются принудительные массовые протесты, но с той своеобразной особенностью, что протестующим вовсе не излагается содержаніе рѣчи, легшей в основу инцидента. Коммунистическая власть ограничивается сообщеніем, и печатным и устным на собраніях, об имѣвшей мѣсто „возмутительной вылазкѣ классоваго врага“...

Третій вид внушенія дѣйствіем: принудительныя уличныя демонстраціи. Здѣсь опять причина мѣняется мѣстом со слѣдствіем. В нормальных условіях извѣстное политическое настроеніе побуждает людей выражать его в видѣ торжественнаго шествія, иногда с цѣлью добиться от властей опредѣленных уступок. А здѣсь наоборот: люди выходят на улицу неохотно, по приказу, как стадо из под кнута, но эта внѣшняя обстановка, толпа, знамена, рѣчи, да все это еще при условіи многократнаго повторенія в теченіи 15 лѣт благополучнаго существованія совѣт-

ской власти, в концѣ концов навѣвает у нѣкоторых требуемое расположеніе духа. Всѣм памятна глупая комедія, устроенная большевиками перед зданіем германскаго посольства в Москвѣ по поводу обыска в посольствѣ совѣтской Россіи в Берлинѣ: якобы разъяренная толпа рвалась к зданію посольства, чтобы разнести его, а безпристрастная совѣтская полиція сдерживала ея напор. Если бы сняли этот конвой, с какою готовностью негодующіе москвичи.. разошлись-бы по домам!

Поводы для принудительных демонстрацій можно раздѣлить на двѣ категоріи: очередные, или, так сказать, календарные, и внѣочередные. Первые приурочиваются к совѣтским праздникам, из которых важнѣйшіе два: 1-е мая и 7-е ноября. Они празднуются с неумолимой торжественностью, от которой никому не удастся уклониться. Их обычный церемоніал состоит в шествіи по улицам, куда-нибудь на площадь, или на край города, чтобы выслушивать там рѣчи кого-нибудь из начальников; но главное значеніе придается именно этому движенію многочисленной толпы по улицам города, вид которой создает надлежащее настроеніе у ея собственных участников и должен производить импонирующее впечатленіе на иностранцев. Эта повинность вообще менѣе тягостна в маѣ, когда обычно уже устанавливается теплая погода, чѣм в ноябрѣ, когда, на примѣр, в Сибири и на Сѣверѣ Россіи уже трещат морозы, а в мѣстностях с болѣе умѣренным климатом господствует осенняя слякоть. Затѣм обыкновенно по вечерам устраиваются торжественныя засѣданія в учрежденіях и предпріятіях, явка на которыя также обязательна. Здѣсь произносятся оффиціальныя агитационно-рекламнаго содержанія рѣчи, нарочито однообразныя, повторяющія из года в год в однѣх и

тѣх-же выраженіях однѣ и тѣ-же пріѣвшіяся мысли, от Атлантическаго до Великаго океана во всѣх городах и мѣстечках Россіи: идеальныя условія моноидеизма! И центральныя власти усиленно заботятся о „точности формулировок“ в рѣчах и статьях; къ каждому празднику „Правда“ публикует список оффициально утвержденных тезисов, из котораго и черпают свое вдохновеніе ораторы. Всякая попытка самостоятельнаго творчества в этом родѣ немедленно карается, равно как и малѣйшія словесныя измѣненія в тезисах центрального комитета. Для таких покушеній на „генеральную линію партіи“ придумано специальное совѣтское наименованіе: „отсебятина“ (придумал его, кажется, Демьян Бѣдный). Принятіе таких крайних мѣр предосторожности со стороны центральных властей основывается, во первых, на свойственном им болѣзненным страхѣ перед всяким „уклоном“, а во вторых на их сознательном стремленіи создать обстановку возможнаго однообразія, необходимаго для моноидеизма.

За торжественной частью засѣданія обыкновенно слѣдует художественная: кинематограф, драматическія или музыкальныя выступленія, самодѣятельность и пр., причем ко всему в обязательном порядкѣ примѣшивается агитація и реклама. Единственное, на что скупаются на подобных вечерах, это на угощенія. Напротив, нерѣдко совѣтскіе праздники превращаются в посты, так как общественныя столовыя и продовольственныя лавки всѣх видов и названій закрываются, а домашніе запасы есть не у многих. Когда в гор. Благовѣщенскѣ был устроен торжественный праздничный вечер для профессуры и младшаго научнаго персонала, угощеніе на нем состояло из бутерброда чернаго хлѣба с сыром и стакана чая без сахара. Желаящіе могли покупать къ нему за

особую плату конфекты. Кромѣ того, продавались папирсы: и это был дѣйствительно праздник для курящих, так как продажа папирс в обычных совѣтских условіях свободно не производится.

Интересно отношеніе иностранцев к тѣм совѣтским демонстраціям, о которых они либо узнают из газет, либо свидѣтелями которых являются, пріѣзжая в города Россіи. Они принимают всерьез эти народныя манифестаціи; они не могут себѣ представить, чтобы можно было заставить людей помимо, или против их желанія итти на политическія шествія. Так и многія разоблаченія дѣйствій совѣтской власти кажутся иностранцам невѣроятными, неправдоподобными, и принимаются ими поэтому за клевету. И совѣтская власть сознательно спекулирует на подобных случаях. В дальнѣйшем мы увидим еще другіе примѣры этому.

Кромѣ очередных, календарных демонстрацій, устраиваются еще и экстренныя, по поводу разных событій, пріятных или непріятных для совѣтской власти. Напримѣр, „трудящіеся“ Россіи выражали свою радость, когда войска Гоминдана в Китаѣ заняли Шанхай. Когда же та же армія взяла тогдашнюю столицу Пекин, и россійским гражданам, казалось-бы, слѣдовало радоваться еще больше, они вдруг остались совершенно равнодушны. Причина этой внезапной перемены настроеній кроется в том, что дипломатическія сношенія между Гоминдановским правительством Китая и коммунистическим правительством Россіи привели за этот промежуток времени к разрыву. С „негодованіем“ протестовали россійскіе граждане против дѣйствій американскаго суда, который, послѣ многих лѣт гласнаго разбирательства, приговорил двух анархистов, Сакко и Ванцетти, к смерти. Почему же эти люди не

возмутились, когда Г. П. У. в Москвѣ в одну ночь разстрѣляло без суда 48 заложников за чужія выступленія, и потом много раз повторяло этот прием со все большими количествами жертв, задним числом сообщая каждый раз о совершившемся фактѣ в газетах? Напротив, рабочих часто заставляют выступать и требовать суровых наказаній, или прямо казни, для лиц, только еще обвиняемых в Верховном судѣ, часто до производства судебного слѣдствія. Такіе приемы с „требованіями рабочих“ часто примѣнялись, на примѣр, к политическим процессам инженеров и других специалистов, о так называемом „вредительствѣ“ и пр. Характерной чертой подобных резолюцій протеста, поступающих из всѣх городов и сел седьмой части суши, по которой непредубѣжденный читатель легко может вскрыть фальсификацію, является поразительное однообразіе выраженій; всѣ рабочіе и крестьяне пятидесяти національностей Россіи, словно по волшебному наитію, требуют для обвиняемых одной и той-же мѣры наказанія и квалифицируют их предполагаемую вину и свое отношеніе к ней в почти тождественных словах.

Наиболѣе загадочными для неосвѣдомленнаго наблюдателя должны казаться тѣ демонстраціи, в которых рабочіе требуют, чтобы правительство грабило и обирало их-же как можно больше. Комедія подобных „требованій“ инсценируется пред выпуском cadaго новаго государственнаго займа „индустриализаціи, рѣшающаго года“ и т. п., который потом насильственно распространяется среди того-же населенія. Еще удивительнѣе были тѣ резолюціи, в которых рабочіе требовали от правительства отмѣны права продажи и заклада облигацій этих займов, вопреки торжественному обѣщанію

правительства не отми́нять этого права ни при каких условіях.

Четвертый способ внушенія дѣйстви́ем — это выборы в совѣты. Здѣсь гражданское право, котораго жадно добиваются, превращено в изнурительную обязанность. Этому особенно важному вопросу посвящена отдѣльная статья автора.

8. ИДОЛОПОКЛОНСТВО.

Неразвитые народы с трудом воспринимают отвлеченныя идеи, если онѣ не воплощены в конкретныя, осязаемые тѣлесныя образы. Поэтому еще первобытные люди создавали идолов, олицетворяющих силы природы, или духов умерших, и впоследствии приучались видѣть в этих деревянных, или каменных издѣліях самостоятельную святыню, а не просто символическія изображенія: понятіе, с трудом усваиваемое некультурным умом.

Нѣчто подобное осуществляют и большевики, когда воплощают распространяемыя ими абстрактныя идеи в конкретныя образы „вождей“, повсемѣстно размножаемыя в портретах, бюстах и пр. Никогда не бывало такого культа личности, такого неумѣреннаго превознесенія заслуг отдѣльных лиц, никогда не отводилось столько мѣста их біографіям, их характеристикам, не убивалось столько рабочаго времени на их чествованія. Портреты Ленина стали таким-же необходимым украшеніем стѣн всякой комнаты в любом учрежденіи, предпріятіи, да и на частной квартирѣ каждого правовѣрнаго совѣтскаго подданнаго, какими раньше были иконы; столь-же обязательны в каждом казенном и частном помѣщеніи и коммунальном общежитіи („жилищно-акціонерном товариществѣ“) — „Ленинскіе уголки“, для

которых непременно отводится отдѣльное мѣсто, хотя-бы его не хватало и для самаго необходимаго, при том остром жилищном кризисѣ, который теперь ощущается во всѣх важнѣйших русских городах. В „Ленинских уголках“ на стѣнах развѣшиваются портреты Ленина и плакаты с вышитыми на них его изрѣченіями, на столах устанавливаются его бюсты и раскладываются изданія его сочиненій. Самыя помѣщенія используются для различных занятій и собраній агитаціонно-рекламнаго характера.

Тот-же чисто идолопоклоннической приѣм замѣны отвлеченных понятій конкретными личностями примѣняется и в словесных выраженіях и лозунгах, таких, как, на примѣр, „борись за дѣло Ленина“ или „Ильича“, „под знаменем Ильича“ и т.п., вмѣсто подобных, но менѣе наглядных, и потому менѣе увлекающих толпу оборотов, как дѣло „коммунизма“, „знамя коммунизма“ и т.д.

Интересно, что чрезвычайно распространенный в первые годы коммунизма культ Маркса уже почти совершенно выведен. Но в послѣднее время Сталин стал вытѣснять уже и Ленина: портреты новаго вождя стали почти повсемѣстно на стѣнах и знаменах смѣнять изображенія его политическаго предшественника.

Для рисованія портретов Сталина выработался даже особый условный стиль, чисто иконографическій. О политических причинах такого постепеннаго вытѣсненія отживших вождей из народной памяти нетрудно составить себѣ представленіе. Уже Ленин в своей политикѣ в корнѣ нарушил основы ученія Маркса, хотя почему-то не хотѣл честно признаться в этом и до конца выдавал себя на словах за его вѣрнаго послѣдователя. При таком двусмысленном отношеніи к своему политическому учи-

телю, Ленину ничего не оставалось дѣлать, как постепенно притуплять в умах своих подданных память о нем, хотя, конечно, эта тактика держалась в строгой тайнѣ, как, впрочем, и большинство истинных мотивов совѣтской политики. В свою очередь Сталин в цѣлом рядѣ вопросов точно также порвал с „ленинизмом“, не говоря уже о Марксѣ, от ученія котораго ни в дѣятельности, ни в „теоретических трудах“ Сталина, поскольку к ним вообще можно примѣнить это названіе, не осталось почти ни слѣда. Поэтому и Сталин примѣняет к своим предшественникам тот-же пріем, замѣняя прежній культ Маркса и Ленина своим собственным, самообожествленіем. С этим-же можно сопоставить и знаменательный факт косвеннаго изъятія Сталиным из обращенія трудов Ленина и замѣны их его собственной единственной книгой под весьма подходящим заглавіем „Основы ленинизма“.

Как иллюстрацію к высказанным положеніям, можно упомянуть тот факт, что нѣтъ ни одного крупнаго города, переименованнаго именем Маркса: есть только незначительное мѣстечко Маркштадт в области поволжских нѣмцев. Из второстепенных „вождей“ предпочитают рекламировать умерших, которые уже не могут впасть в уклон и противостать господствующей политикѣ: Свердлова, Дзержинскаго, Фрунзе. Из живых этой чести удостоиваются лица, сравнительно нейтральныя в отношеніи внутренней политики, как напримѣр Литвинов, Ворошилов и пр. Однако есть и такіе, которых уже послѣ смерти исключили из лика канонических вождей — своего рода загробные оппозиціонеры, грѣхи которых вскрылись уже только на том свѣтѣ. Сюда относятся Роза Люксембург, Степанов-Скворцов, редактировавшій долгое время газету „Извѣстія“,

Красин, Юффе. Особенно замѣчателен эпизод с самоубійством и политическим завѣщаніем послѣдняго, но здѣсь не мѣсто распространяться об этом. Зато к обличенным и признанным оппозиціонерам отношеніе правящей группы безпощадно. Их поносят наравнѣ с исконными врагами коммунизма, всѣ их прежнія заслуги встрѣчают огульное отрицаніе, ни одна положительная сторона их ученія или дѣятельности не находит себѣ признанія. Особенно любопытно отношеніе официальной коммунистической прессы к Троцкому, у котораго по существу нѣтъ никаких принципиальных расхожденій со Сталиным: это сквозит и из собственных высказываній Троцкого о положеніи дѣл в Россіи, и из самой политики Сталина, которая во многом слѣдует прежним указаніям Троцкого. И однако Сталин никогда не отзывается о Троцком иначе, чѣм, как о заклятом и притом исконном врагѣ и своем, и „пролетаріата“ и революціи и т.д. В исторіи „красной“ арміи, изданной недавно, я не мог найти в текстѣ упоминаній о Троцком, который был ея родоначальником и главнокомандующим в теченіи всѣх лѣтъ гражданской и Русско-Польской войны, и многіе годы спустя (см. книга автора „Красные вандалы“). Когда Троцкій бѣжал за границу, официальные газеты изобразили это в видѣ высылки. Когда-же Троцкій стал помѣщать свои статьи в иностранных газетах, тогда коммунистическая власть выставила в качествѣ основного мотива его „отступничества“ корысть, т.е. погоню за авторским гонораром: „за доллары он продает интересы рабочаго класса“. Есть всѣ основанія полагать, что и до своего бѣгства Троцкій был матеріально обеспечен, если не жалованіем, котсрое было ограничено извѣстным „партийным максимумом“, то именно тѣм-же самым

авторским генералом за свои нескончаемыя статьи и рѣчи, помѣщаемыя потом в государственной пресѣ. Во всяком случаѣ, он не испытывал такого недостатка в предметах потребленія, как большинство русскаго народа. И видно, как глубоко презирал Сталин умственныя способности этого подчиненнаго ему народа, когда пытался увѣрить его, что корысть могла побудить Троцкаго к бѣгству — побудить его промѣнять одну из первенствующих должностей в независимом государствѣ, должность, которой он добился многими годами революціонной борьбы, на прежнюю карьеру политическаго изгнанника.

Во всѣх этих примѣрах выступает свойственная большевикам нетерпимость, их узкій, односторонній взгляд на вещи. Либо добрый геній и благодѣтель человечества, либо его изверг, предатель, при этом обязательно продажный, подкупленный дѣятель. Середины нѣтъ. Только в свойственных коммунистам терминах эти характеристики принимают другой вид: с одной стороны „великій революціонер, бессмертный вождь мірового пролетаріата“, с другой „измѣнник дѣлу рабочаго класса, ставленник и наемник буржуазіи“.

Но каким-же образом примиряют коммунисты свойственный им такой крайній культ личности, вождя, с матеріалистическим пониманіем исторіи, которое они поставили на своем знамени? Вѣдь с точки зрѣнія послѣдняго ход событій обусловлен неизбежным стеченіем экономических причин и личность именно не играет никакой роли. На помощь коммунистам здѣсь приходит спасительная діалектика, которая разсматривается ими, как самостоятельный и окончательный довод. Но здѣсь не мѣсто углубляться в эти теоретическія тонкости.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В рамках настоящей статьи нѣтъ возможности перечислить всѣ виды государственной рекламы коммунистов, которая представляет своего рода науку, одну из глав современной коммунистической схоластики. Остается вкратцѣ упомянуть, что цѣлям рекламы подчиняются почти всѣ стороны государственной и общественной дѣятельности, за исключеніем тѣх, которыя направлены к добыванію денег и продуктов для государства. Сюда относятся всякія народныя развлеченія, спортивные, художественныя и научныя общества, и т. д. На их съѣздах произносятся рѣчи в похвалу существующему строю, каково-бы ни было специальное назначеніе съѣзда. В их уставы включается обязанность содѣйствовать „соціалистическому строительству“, при них нерѣдко учреждаются особыя секціи под разными названіями, часто очень хорошо маскирующими суть дѣла, как напримѣр „методологическая“, „философская“, в дѣйствительности посвященныя задачам идейной рекламы. Но всего, как уже сказано, не перечислить.

Коснемся еще вскользь, без детализации, вопроса, какой цѣли достигает такая реклама идей в случаѣ ея успѣшнаго дѣйствія? Как всякая реклама, она проходит мимо высших центров сознанія и потому не рассчитана на то, чтобы воспитать поборников идей, дѣйствительно глубоко проникнутых убѣжденіем в их благотворности. Нѣтъ, реклама создает слѣпых фанатиков, заучивших наизусть преподанный им катехизис, привыкших вѣрить его буквѣ и не понимать его смысла. Такой изувѣр не

потерпит словеснаго неуваженія к почитаемым им личностям и лозунгам: Ленин, пролетаріат, діалектичeskій матеріалізм; он отомстит обидчику всѣми имѣющимися у него средствами: насиліем, бранью, доносом. Но он не пойметъ серьезныхъ возраженій по существу вопроса, потому что он не понимаетъ смысла тѣхъ идей, которыя он защищаетъ. Тѣмъ болѣе он останется равнодушнымъ к нарушенію тѣхъ-же принциповъ на дѣлѣ, потому что он не приученъ связывать слово с дѣломъ. Точно такъ-же Отелло убил на мѣстѣ невѣрнаго, оскорблявшаго имя Христа, но передъ его-же глазами ежедневно проходили безнаказанными ростовщики, убійцы, прелюбодѣи, дѣятельность которыхъ несравненно грубѣе оскорбляла ученіе Христа.

СИЛА СТАЛИНА И ЕГО АХИЛЛЕСОВА ПЯТА.

ВВЕДЕНИЕ.

Недавние бѣженцы из совѣтской Россіи, попадая в Китай, ожидают найти со стороны старожилов здѣшной эмиграціи большой интерес к своим рассказам о бытѣ и строѣ на их родинѣ. Эти ожиданія часто не вполне оправдываются. „Мы знаем, что жить там плохо, что там все ложь, об этом и надоѣло и слушать“ — такія высказыванія иногда приходится встрѣчать. — „Расскажите нам лучше о слабых сторонах существующаго строя, о тѣх факторах, которые могут привести к его гибели, о наиболее правильном подходѣ к его сверженію“.

Настоящій очерк представляет собою попытку дать хотя-бы частичный отвѣт на эти запросы русской эмиграціи, вполне законные, если она считает себя так хорошо информированной о положеніи внутри своей родины. Он¹ представляет собою сводку многолѣтних систематических наблюдений автора, широко освѣдомленнаго о самых разнообразных сторонах совѣтской жизни.

Приводимый перечень не претендует на полноту, но представляет собою как бы начало труда по классификации имѣющагося матеріала — труда, который, будем надѣяться, доведут до конца другіе. Обѣ вошедшія в настоящій сборник статьи написаны мною в январѣ 1933 года, непосредственно послѣ того, как я пришел в Харбин послѣ перехода границы. Таким образом в них излагается точка зрѣнія совѣтскаго человѣка, еще не затронутаго никакими эмигрантскими вліяніями. С тѣх пор прошло полтора года. Рукописи только теперь удастся отдать в печать. За это время во внутренней жизни Россіи произошел ряд событій, заслуживающих быть упомянутыми. В том числѣ можно назвать: 17-ый съѣзд коммунистической партіи и процесс англійских инженеров. Однако, как освѣдомленный читатель легко может провѣрить, всѣ эти событія вполне подтверждают поставленные в настоящих статьях диагнозы. Поэтому не встрѣтилось нужды в их переработкѣ, что было-бы к тому крайне затруднительно при настоящих условіях.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СИЛА СТАЛИНА.

I.

Предметом настоящаго очерка будет служить только схематическій перечень сильных и слабых сторон господства современнаго російскаго диктатора, большая часть которых составляет темы отдѣльных статей автора, как напечатанных уже, так и подготовляемых к печати. К числу безусловно сильных сторон Сталина слѣдует отнести организацію той политической партіи — партіи коммунистов — на которую он опирается в своем господствѣ и в подавленіи всѣх свободных стремленій на-

рода. Среди совѣтскаго населенія распространено мнѣніе, что в организациі російской коммунистической партіи (впослѣдствіе переименованной во все-союзную) еще Ленин заимствовал основные принципы у Лойолы. Сталин продолжает и углубляет ту-же тактику, используя для цѣлей коммунизма старый опыт ордена іезуитов. Замѣчательно, что это мнѣніе ни разу не упоминалось в казенной печати и не опровергалось. И есть нѣкоторыя основанія полагать, что в этом замалчиваніи играет роль не обычная, свойственная коммунистам боязнь черзур мѣтких обличеній, а молчаливое признаніе справедливости сопоставленія. Власти не стыдятся своей тактической близости с іезуитами. Эта послѣдняя выражается в формах партійной дисциплины, в порядкѣ субординаціи, в правилах назначенія и смѣщенія руководящих должностей (генералов по іезуитской терминологіи) — но главным образом в основном тактическом принципѣ: „цѣль оправдывает средства“. Этот лозунг буквально не встрѣчается в официальных признаніях коммунистических генералов, но попадаются выраженія, ему равносильныя. Напримѣр, по вопросу о „партійной этикѣ“ мы читаем: „мы считаем этическим всякій поступок, который ведет к побѣдѣ пролетаріата“.

В этой фразѣ слѣдует только расшифровать пресловутую фикцію о „пролетаріатѣ“, под которым на совѣтском языкѣ всегда подразумѣвается не имѣющая с ним ничего общаго коммунистическая диктатура. Тогда мы увидим, что по существу эта фраза ничѣм не отличается от девиза Лойолы.

Признавая по необходимости іезуитскую организацию коммунистической партіи сильной стороной опирающейся на нее власти, мы можем напомнить ей только об одном обстоятельствѣ. Учрежденный

Лойолой іезуитскій орден достиг своей цѣли только в смыслѣ укрѣпленія свѣтской власти пап и повышенія вліянія духовенства в обществѣ, но смѣшно и думать, будто он что-нибудь сдѣлал для внѣдренія идеи христіанства. Он скорѣе даже скомпрометтировал еѣ, как это было по очереди во всѣх католических странах: Франціи, Италіи, Испаніи. Точно так-же и Сталин добивается с помощью своих слѣпых исполнителей самое большее только удержанія власти, но они не помогут ему осуществить на дѣлѣ ту программу, сторонником которой на словах он является. Подобный примѣр удержанія власти в критическій момент цѣною отказа от программы мы уже имѣли при Ленинѣ в 1922 году — в началѣ так наз. „новой экономической политики“.

^

II.

До необычайной высоты довели россійскіе коммунисты технику сыска и слѣдствія, в особенности-же по политическим дѣлам, которыя у них отведены особому вѣдомству — государственному политическому управленію. Это управленіе входит на правах министерства (комиссаріата) в кабинет министров (совѣт народных комиссаров).

Не по всяким дѣлам Г.П.У. проявляет одинаковое рвеніе. Когда рѣчь идет о защитѣ прав граждан от преступных посягательств, или в несчастных случаях, там совѣтскіе жандармы проявляют обычно вялость и медлительность, свойственную всѣм бюрократическим совѣтским учрежденіям. На это можно было-бы привести примѣры. Но их поведение рѣзко мѣняется, как только ставится задача защитить государство против граждан. Выслѣживание политически неблагонадежных личностей и

поступков поставлено коммунистической властью поистинѣ образцово, как, вѣроятно, никогда и нигдѣ в мірѣ. Тайныя нити освѣдомленности управленія о каждом шагѣ и словѣ всякаго лица, казалось-бы, вполнѣ частнаго и ни в чем не заподозрѣннаго, поистинѣ изумительны. Нерѣдко остается загадочным, каким образом агенты управленія узнали о поступкѣ, произошедшем, казалось бы, в полном уединеніи и со всѣми концами, опущенными в воду. Нѣтъ возможности здѣсь распространяться о приѣмах, которыми достигается такая глубокая освѣдомленность, слѣдует только упомянуть о послѣдствіях. Одним из результатов является всеобщее взаимное недоувѣріе. Горькій опыт убѣждает всѣх совѣтских подданных, что любой знакомый, как новый, так и старый, может в каждую минуту сказаться шпионом. Отсюда боязнь высказывать свои убѣжденія, говорить откровенно о политикѣ или о близких к ней вопросах, с кѣм-бы то ни было, как-бы ни казалось данное лицо заслуживающим довѣрія по внѣшним примѣтам. А всякій, слышавшій оппозиціонную или не в мѣру либеральную рѣчь со стороны другого лица, даже если он вполнѣ сочувствует высказываемым послѣдним убѣжденіям, побоится однако вслух выражать это: он скорѣе будет подозрѣвать в своем собесѣдникѣ провокатора. Подобное взаимное недоувѣріе проникает обычно даже в круг семьи: муж не довѣряет женѣ, родители дѣтям. И дѣйствительно, школьникам (так наз. „піонерам“) открыто внушают слѣдить за своими родителями, о замѣченных проявленіях политической неблагонадежности доносить, иногда гласно, в „стѣнную газету“, иногда тайно, своим руководителям. Предметом подобнаго наблюденія и послѣдующаго сообщенія могут служить и обыкновенныя семейныя дразги, по-

видимому ничего не имѣющія общаго с политикой, но характеризующія семейный уклад и отсюда, по мнѣнію властей, обнаруживающія так называемую „идеологию“. Таким образом обыкновенныя сплетни возводятся в гражданскую обязанность.

Но и два лица, вполне довѣряющія друг другу, нелегко могут найти случай поговорить откровенно ввиду превосходно поставленной службы подслушивания и доноса. Во многих городах, в определенных мѣстах нетрудно замѣтить, что если двое встрѣчаются на улицѣ и вступают в разговор, поблизости немедленно появляется третій, который под разными предлогами увивается вокруг них и старается вникнуть в ход бесѣды. Как примѣръ проницательности совѣтских жандармов, можно привести ту тончайшую паутину слѣжки и изоляціи, которою они опутывают пріѣзжих иностранцев.

Не стоит доказывать, что такая высокая техника шпіонажа представляет одну из самых сильных опор существующаго в Россіи строя. В самом дѣлѣ, какіе-бы то ни было заговоры, любыя политическія или иныя соглашенія между отдѣльными лицами становятся в высшей степени затруднительными при таких условіях и разоблачаются по большей части в самом началѣ. И Г.П.У. любит публично хвалиться своею проницательностью, напримѣръ на инсценируемых им время от времени политических процессах.

III.

Впрочем, не всегда такіе процессы бывают основаны на дѣйствительном раскрытіи нитей заговора. Есть случаи, когда виновнаго не удается обнаружить при всей тщательности слѣдствія, а есть и

такіе, когда никакого виновника нѣтъ, так как и са-
мага преступленія вовсе не было.

Но это не останавливает дѣятелей совѣтскаго правосудія, для которых по существу все равно, будет-ли наказан виновный или правый, лишь-бы кого-нибудь наказать и тѣм поддержать в глазах довѣрчиваго населенія престиж непогрѣшимости совѣтских слѣдственных органов. Но самым поразительным является умѣніе совѣтскаго суда заставить всякаго человѣка сознаться во всяком предъявленном ему обвиненіи, каким-бы нелѣпым и вздорным это послѣднее ни казалось для посторонних. До сих пор остается нерѣшенным вопрос, играют-ли здѣсь главную роль пытки, физическія или нравственныя, мнѣніе, которое очень распространено как среди населенія Россіи, так и среди эмиграціи; или гипноз, согласно высказывавшемуся нѣкоторыми предположенію; угрозы или обѣщанія, или варварскій институт заложников, сохранившійся на земном шарѣ только в совѣтской Россіи — всѣ эти вопросы рѣшит исторія. Но уже теперь можно с несомнѣнностью причислить к списку сильных сторон коммунистическаго владычества в Россіи выработанную им изумительную технику суда и допроса. Этот дар позволяет коммунистам подводить солидный по внѣшности фундамент под тѣ несомнѣнно поддѣльные процессы, которые они изобрѣтают, чтобы отвлечь общественное вниманіе от гибельных послѣдствій своей собственной дѣятельности. В самом дѣлѣ, личное признаніе подсудимаго дѣлает излишними всѣ другія доказательства вины, которыя иначе мудро было-бы достать.

Мнѣ извѣстна исторія молодого крестьянина В., который проходил мимо амбара, принадлежавшаго так наз. „коллективному хозяйству“. Через полчаса

он узнал, что амбар сгорѣлъ вскорѣ послѣ его прохожденія. Власти рѣшили успокоить, или вѣрнѣе устроить крестьян наказаніем „кого-нибудь“ в качествѣ виновнаго—и жребій пал на В., хотя не было никаких объективных доказательств ни того, что он был заинтересован в преступленіи, ни того, что он его дѣйствительно совершил. За это дѣло взялось Г.П.У., так как его признали политическим: „вылазкой классоваго врага“. В. допросили и судили негласно, без свидѣтелей. Восемь мѣсяцев ужасной совѣтской слѣдственной тюрьмы довели его до послѣднаго градуса чахотки и уже в тяжелом состояніи его отпустили в больницу. Мнѣ передавали, что когда он рассказывал о постигшем его бѣдствіи, то не жаловался на ошибку и не негодовал на неправосудіе, а рассматривал его, как обыкновенный несчастный случай, как если-бы он попал под колесо, или свалился с дерева. Подобный-же случай был с техником Н., котораго „выбрали в виновники“ по случаю пожара химическаго завода, гдѣ он перед этим служил 20 лѣт и был извѣстен с самой лучшей стороны. Случай был признан „экономической контр-революціей“ (вредительством) и обвиняемый приговорен к разстрѣлу: только возникшее под вліяніем столь неожиданнаго удара помѣшательство отсрочило исполненіе. Но можно привести примѣры и гораздо болѣе общеизвѣстные. Сюда относится, во первых, знаменитая серія процессов спеціалистов-инженеров, экономистов народнаго питанія, транспорта, промышленности, статистиков, нѣкоторых академиков и пр., послужившая, между прочим, одним из предлогов к продолжающемуся и понынѣ добыванію остатков русской интеллигенціи.

Давно уже отмѣчен тот поразительный факт,

что в качествѣ главнаго обвиненія дѣятелям вымышленной „промышленной партіи“ был предъявлен тот самый пресловутый „пятилѣтній план“, который коммунисты считают главной побѣдой своего царствованія, главным оправданіем своего политическаго существованія. Но еще поразительнѣе то, что подсудимые вслух, перед публикой, признавались в таких обвиненіях во „вредительствѣ“, которыя по своей странности и очевидной фантастичности не уступали средневѣковым дѣлам о сношеніях с дьяволом и вѣдовствѣ.

Но и на этом не кончается странная цѣпь загадок, связанных с этим невѣроятным дѣлом. Вот слѣдующая, уже третья по счету: совѣтская власть, уже осознав гибельность „пятилѣтняго плана“, составленнаго с провокаціонной цѣлью, убѣдившись в этом наконец по собственным признаніям его авторов, — все-таки продолжает исполнять этот план, т. е. продолжает добровольно идти к гибели, с открытыми глазами лѣзть в пропасть. Вопрос этот достаточно хорошо уже был освѣщен в заграничной печати, настолько бросаются в глаза его явныя противорѣчія, даже при неимѣніи положительных свѣдѣній, так что здѣсь не стоит на нем подробно останавливаться. Но достаточно вспомнить хотя-бы знаменитые паровозы, спроектированные „экономическими вредителями“, которые, по их собственному признанію, были рассчитаны на то, чтобы разрушить всѣ желѣзнодорожные мосты в Россіи. И совѣтская власть продолжает строить эти паровозы, т. е., повидимому, умышленно идет на провал всѣх мостов в Россіи. Мало того, она попрежнему хвалится перед всѣм міром их необычайными достоинствами, как величайшим достиженіем своей техники и одним из лучших доказательств ея

способности „догнать и перегнать всѣ передовыя страны“.

Дальше: проекты, представлявшіеся осужденными въ послѣдствіе специалистами, в свое время просматривались и утверждались министерством промышленности (тогда называвшимся „совѣтом народнаго хозяйства“). Начальник послѣдняго Крыжановскій получил тогда званіе академика за промышленные планы, не им составленные, но им провѣренные и одобренные. И эта высшая ученая степень осталась при нем и тогда, когда обнаружилось, что почтенный академик проглядѣл в этих планах не просто какія-нибудь случайныя ошибки или упущенія, но весь их злостный умышленно-предательскій характер.

Четвертое противорѣчіе. Тѣ из осужденных, которые не были разстрѣляны, отбывали наказаніе вмѣсто ссылки или заключенія в формѣ принудительнаго труда по своей прежней спеціальности. Другими словами, лица, признанныя виновными и сознавшіяся в нарочито-недобросовѣстном отношеніи к порученным им государственными предпріятіям, снова допускаются и даже привлекаются к отвѣтственной работѣ на подобных-же предпріятіях, хотя и в другом мѣстѣ. Казалось-бы, что суровый приговор на многолѣтнее заключеніе со стороны этого же государства не должен был измѣнить их отношеніе к нему к лучшему. На чем-же основано такое неожиданное довѣріе к людям, столь очевидно его не заслуживающим? Совѣтская печать наивно увѣряет, что эти лица, прежде ея убѣжденные враги, под вліяніем строгаго и справедливаго приговора „пролетарскаго“ суда исправились и теперь честно служат ей. Власть даже находит возможным особо хвалиться тѣм, как ея суд заставил

этих „вредителей“ понять то, чего они раньше не понимали. В глазах всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя такая внезапная переменна отношенія свидѣтельствуемъ, конечно, о другом — именно, о поддѣльности всего процесса.

Но пятое и психологически самое удивительное недоразумѣніе — это тот тон, в котором подсудимые излагают свои дѣянія. Они не пытаются представить приписываемыя им преступленія в болѣе извинительном видѣ, не подыскивают для своих поступков сколько-нибудь благовидныхъ мотивовъ. Нѣтъ, они как будто издѣваются сами над собой, нарочно пытаются представить свой собственный образъ дѣйствій в как можно болѣе нелѣпомъ и позорномъ свѣтѣ — словом, сами стараются добиться для себя как можно болѣе суроваго приговора. Это впечатлѣніе неудержимо возникаетъ при чтеніи любого отчета о подобныхъ процессахъ, даже если онъ взятъ изъ совѣтской прессы. Нельзя отрѣшиться отъ подозрѣнія, что подсудимые декламируютъ подсунутыя им обвиненіемъ басни, или что они подписываютъ на негласномъ предварительномъ слѣдствіи заранѣе составленныя письменныя показанія. Конечно, это только подозрѣніе: полной увѣренности по этому вопросу быть пока не можетъ. Россійскіе коммунисты превосходятъ всѣхъ своихъ и предшественниковъ и современниковъ не только по наглости явной лжи, но и по искусному хитрому утаиванію. Правда, в цѣломъ рядѣ инсценированныхъ ими политическихъ процессовъ имъ не удалось совершенно замазать всѣ слѣды фальсификаціи, такъ что у всѣхъ мыслящихъ людей міра возникли подозрѣнія, а тѣ изъ нихъ, которыхъ рты не зажаты, стали и вслухъ высказывать свои соображенія, отмѣчать цѣлый рядъ необъяснимыхъ странностей в ходѣ этихъ громкихъ процессовъ, выдвигать даже болѣе или ме-

нѣ смѣля предположенія об их происхожденіи. Но пока, насколько мнѣ извѣстно, никто не разглашал в печати положительных свѣдѣній об истинном ходѣ дѣл. Каким образом был достигнут результат, столь парадоксальный с любой точки зрѣнія, имѣли-ли здѣсь мѣсто подкуп, уговор, угрозы, пытки, или другія мѣры — этот вопрос остается на долю историков. Но, конечно, в свое время истина выйдет на свѣт. С одной стороны, трудно говорить о подкупѣ в тѣх случаях, когда нерѣдко обвиняемые, сдѣлавшіе в высшей степени угодныя для совѣтской власти признанія, все-же были послѣ этого разстрѣляны. С другой стороны, есть и достовѣрныя свѣдѣнія о примѣнявшихся пытках разнаго рода, как физических, так и моральных.

В задачу настоящей статьи не входит рассмотрѣніе тѣх цѣлей из области внѣшней или внутренней политики, которыя ставят обычно перед фальсифицированными процессами. Но для дополненія картины совѣтскаго политическаго суда необходимы еще двѣ фигуры. Это, во первых, словоохотливый прокурор, задача котораго, впрочем, очень легка, так как подсудимый услужливо наговорил уже о себѣ все, что только мог на него наклепать его злѣйшій враг. Во вторых, робкая, молчаливая фигура адвоката, это позорное издѣвательство над самым священным правом всякаго обвиняемаго — правом защиты „Защитник“ либо откровенно „присоединяется к оцѣнкѣ преступленія, данной обвинителем“ — буквальное выраженіе из газетнаго отчета; либо удовлетворяется формальным ходатайством о снисхожденіи, не приводя даже никаких доводов в его пользу и в то-же время как-бы намекая этим суду о полном отсутствіи реальных мотивов к оправданію или к смягченію участи. А между тѣм,

какой благодарный предмет для жестокаго, безпощаднаго обличенія представляют собою совѣтскія политическія дѣла, в том числѣ хотя-бы процесс авторов „пятилѣтняго плана“! Но совѣтская власть не терпит при себѣ адвокатов, дѣйствительно способных и склонных защищать поруганныя человѣческія права. Извѣстны тѣ особыя мѣры, которыя принимала в свое время коммунистическая диктатура, чтобы обезличить остатки русской адвокатуры, лишить ее всякаго вѣса и авторитета, с цѣлью открыть полный простор для произвола и беззаконія на поприщѣ „пролетарскаго“ суда. Но об этом здѣсь не мѣсто распространяться.

IV.

Слѣдующей сильной стороной Сталинскаго самодержавія приходится признать изумительно налаженную им и его предшественниками технику пропаганды, или, правильнѣе выражаясь, государственной рекламы. Наболѣе сильно дѣйствующим средством ея является особое внушеніе дѣйствіем, как это подробно изложено в статьѣ „Реклама идей“ автора. Здѣсь достаточно будет вскользь коснуться того отношенія, которое выработалось у населенія к принимаемым мѣрам воздѣйствія на его психику.

Эта обязанность высказываться на „политических занятіях“ и всяких собраніях условными, безсодержательными фразами, нерѣдко наперекор и внутренним убѣжденіям и очевидности, эта странная задача примѣшивать к каждому виду дѣятельности головоломныя идеи діалектическаго матеріализма, которых никто не понимает и в которыя никто не вѣрит; эта паутина противорѣчащих требованій, предъявляе-

мых к любой дѣловой работѣ и часто не имѣющих с нею по существу ничего общаго; и безчисленные подобныя виды угнетенія — все это первоначально тяготило всѣх, вызывало отвращеніе и попытки уклоненія от этих непріятных обязанностей. Но совѣтская власть строго проводит свою политику, примѣняя самыя суровыя мѣры воздѣйствія за малѣйшее ослушаніе. И мало по малу всѣ стали настолько запуганы этими мѣрами, что больше не сопротивляются, стараются как-нибудь скрасить в собственных глазах свое подневольное состояніе, сдѣлать какими-бы то ни было мѣрами болѣе привлекательными или хоть сносными отвратительныя прежде занятія. В самом дѣлѣ, вѣдь и каторжник, котораго заставили-бы толочь воду в ступѣ (по извѣстному примѣру Достоевскаго), вѣроятно старался-бы изобрѣсти, поскольку это возможно, приемы, которые совершенствовались-бы и разнообразили его труд, чтобы хоть чѣм-нибудь облегчить убійственную скуку. А вѣдь многія якобы „научныя“ заданія в связи с проблемой діалектическаго матеріализма в совѣтской Россіи немногим отличаются по своей производительности от толченія воды в ступѣ. И в силу необходимости люди постепенно приспособляются к всему: к антирелигіозным докладам, к протестам против не-реальной угрозы войны, к привѣтствіям совѣтским палачам и наконец к гнуснѣйшей из всѣх обязанности доносов.

И вот почему с этой стороны дѣятельность совѣтской власти не встрѣчает теперь по большей части рѣшительнаго сопротивленія.

V.

Но вербует-ли себѣ совѣтская власть преданных людей из русскаго народа? Вѣдь преданность покупается жизненными благами, правами, удовлетвореніем запросов и потребностей, а при коммунистической диктатурѣ господствует голод, всеобщее равноправіе, полное пренебреженіе к интересам личности. Казалось-бы, это самая подходящая почва для развитія столь-же всеобщаго недовольства. И однако совѣтская власть изобрѣла остроумный способ подкупать себѣ сторонников среди населенія Россіи, способ, который стоит ей гораздо меньше средств, чѣм во сколько-бы обошлось дѣйствительное насыщеніе потребностей всего населенія.

Это путь преимуществ, привилегій, разлада. Его можно пояснить слѣдующим схематическим, грубым примѣром. Представим себѣ, что в нѣкоторой деревнѣ ежедневно потребляется хлѣба 2 фунта на ѣдока. Появившаяся новая власть при помощи карточной системы и насильственнаго изъятія запасов сводит эту норму к одному фунту. Но какому-нибудь отдѣльному крестьянину, желая за что-либо его поощрить, она разрѣшает ежедневно выдавать из своих магазинов полтора фунта хлѣба. Выиграл-ли что-нибудь этот единственный крестьянин вслѣдствіе прихода новой власти? Формально, казалось-бы, нѣтъ, ибо даже его надобности, если судить по прежнему его потребленію, не вполне удовлетворяются государственным пайком. Но он один возвеличен, выдѣлен из среды всѣх своих односельчан; он становится предметом зависти со стороны сосѣдей, а может быть и смутно осознаннаго уваженія менѣе

развитой части их: все это признаки отличія, которых он не испытывал раньше. Он привыкает считать себя облагодѣтельствованным новой властью, казалось-бы, вопреки очевидности; он постепенно привязывается к ней и становится ея преданным сторонником. Вот как иногда воспитываются политическія убѣжденія.

Многія благодѣянія, изливаемые совѣтской властью на людей, которых она стремится привлечь на свою сторону, отличаются таким-же превратным характером. Возьмем, напримѣр, так называемое „ударничество“, которое служит в руках нанимателя-государства наилучшим способом сверх-эксплоатаціи, по своей жестокости превосходящим всѣ ранѣе извѣстныя системы, вызывавшія в свое время и вызывающія понынѣ негодование филантропов и возстанія рабочих. „Ударники“ получают нѣкоторыя преимущества в области так наз. „снабжения“ и нѣкоторыя дополнительныя права. Со всѣми этими правами и преимуществами они живут все-таки хуже, чѣм средній рабочій в прежнее время. Однако эта старина уже потускнѣла в памяти даже у тѣх, кто знал ее лично; а молодежь вообще не имѣет представленія об иных временах и может судить о них только по лживым, тенденціозно-подкрашенным рассказам правительственной партіи. А получить преимущества перед другими — не только лестно, но и выгодно для каждого. Таким образом рабочіе из кожи вон лѣзут, чтобы получить обѣщанную награду, забывая о ея только относительной цѣнности. Особыя права и преимущества „ударников“ сами собою отпадают, как только „ударничество“ достаточно распространится и то, что прежде являлось сверх-эксплоатаціей, станет узаконенной нормой.

Такиими-же „относительными“ приманками — обѣ-

шаніем необщих привилегій — завлекает совѣтская власть и в правительственную коммунистическую партію — помимо пріемов идейной рекламы. Коммунисты несомнѣнно живут лучше, чѣм „безпартійные“ (опять условное названіе для обозначенія всѣх не принадлежащих именно к одной коммунистической партіи. Такого рода условныя слова, примѣняемые в извращенном смыслѣ, попадаются в наших статьях на каждом шагу и постоянно нуждаются в особых оговорках, что поневолѣ загромождает изложеніе.) Но и уровень жизни коммунистов нельзя признать в цѣлом вполнѣ удовлетворительным с точки зрѣнія общечеловѣческих требованій. Если-же затронуть вопрос о гражданских правах, то придется констатировать, что хотя коммунистическая партія оффициально считается „правлящей“, тѣм не менѣе члены ея имѣют гораздо меньше вліянія на управленіе, чѣм рядовые граждане в демократических государствах. Тѣм не менѣе многіе неприхотливые каррьеристы идут в коммунистическую партію ради нѣкоторых не общедоступных благ.

Подводя итоги этой сторонѣ коммунистической тактики, можем выразиться так: совѣтская власть вербует себѣ сторонников путем подмѣны отсутствующих жизненных благ преимуществами, привилегіями, разладом. Как один из наиболѣе курьезных примѣров таких „относительных“ благодѣяній, можно назвать „право внѣочередности“.

Извѣстно, какую роль играют „очереды“ в быту російских граждан. Многочасовое терпѣніе стало совершенно необходимым, хотя и недостаточным условіем для полученія какого-бы то ни было продукта, для проѣзда на трамваѣ или на желѣзной дорогѣ, для обѣда, для бани, словом для всего. На-

селеніе Россіи настолько привыкло к этим вездѣсущим, неотвратимым очередям, что с нѣкотораго времени считает их вполне нормальным явленіем, неизбежным в своем родѣ. Потому величайшую цѣнность пріобрѣтает „право вѣочередности“ — своеобразная привилегія занимать первое мѣсто в толпѣ ожидающих — всегда, или только в очередях опредѣленнаго назначенія. Это право дает не только громадный выигрыш рабочаго времени, в размѣрах, которые трудно учесть, но и открывает фактическую возможность пользоваться удобствами, без этого положительно недоступными. Напримѣр, в нѣкоторых мѣстностях командный состав арміи пользуется правом универсальной вѣочередности. Мнѣ случилось наблюдать в городкѣ С., как штатскіе посѣтителі по нѣсколько дней подряд ходили в единственную в городкѣ баню, ожидали там с утра до вечера и не могли добиться очереди, так как все время приходили военные и проходили раньше других. Поводом к этому послужило временное закрытіе спеціальной гарнизонной бани, кажется, в связи с каким-то ремонтом ея.

Подобное-же положеніе наблюдается в Восточной Сибири, да и в других мѣстностях, и на желѣзнодорожных станціях. Движеніе поѣздов здѣсь крайне недостаточно для нужд населенія. Поэтому на вокзалах происходит всегда громадное скопленіе ожидающей публики, из которой многіе проводят там по нѣсколько суток подряд в надеждѣ попасть в вагон, а часто и возвращаются по домам, отчаявшись. Нерѣдко случается, что перед билетной кассой выстраивается очередь больше, чѣм в сотню человек, а давно желанный поѣзд приходит уже переполненным и в нем каких-нибудь 3-4 свободных мѣста. Понятно, что в таком положеніи по-

рядок очередности теряет всякое значеніе и билеты достаются только счастливымъ, обладающимъ особы-ми привилегіями. Сюда относятся снова тѣ-же воен-ные, совѣтскіе жандармы, наконецъ лица с особо срочными командировками от вліятельных учрежде-ній. И такая-же картина повторяется из дня в день при появленіи каждаго новаго поѣзда. В обоих при-веденных выше примѣрахъ „право внѣочередности“ оказывается равносильно практической возможности пользоваться баней, либо желѣзнодорожным тран-спортомъ.

Кому-же достается эта своеобразная привилегія? Ею вообще пользуются военные, главным образом в старших чинахъ; далѣе, так наз. „красные партиза-ны“, т.е. ветераны гражданской войны, кавалеры ордена красного знамени. Так наз. „ударники“ не-рѣдко награждаются этой привилегіей и государ-ство вообще раздаетъ ее охотно, так как она ему об-ходится дешевле, чѣмъ всякая другая.

В нѣкоторых случаяхъ право внѣочередности, не всеобщей, а специальной, бываетъ связано с занятіемъ даннаго лица. Напримѣр, служащіе медицинскихъ учрежденій — больницъ, аптек и т. д., проходятъ рань-ше другихъ в очередяхъ у поликлиникъ и амбулаторій, которыя нерѣдко выстраиваются с вечера наканунѣ дня приѣма у врача. Желѣзнодорожные чиновники имѣютъ преимущество передъ билетными кассами и перронными лавками и т. п. В большихъ городахъ чле-ны совѣтовъ — городскихъ и окружныхъ — пользуются правомъ входа в вагон трамвая с передней площад-ки, в изъятіе из общаго порядка. Право это особен-но цѣнно при существующихъ условіяхъ, когда скорѣе можно пройти пѣшкомъ какой-нибудь огромный пе-тербургскій конецъ, чѣмъ честно дожидаться очереди для входа с задней площадки.

Затѣм, в зависимости от обстоятельств времени и мѣста, бывают и особыя привилегіи внѣочередности, согласно спеціальным постановленіям центральных или мѣстных властей. Она предоставляется иногда студентам, научным работникам или другим категоріям населенія, но всегда только для очередей опредѣленнаго назначенія. Можно было-бы привести много забавных примѣров в связи с правом внѣочередности, признанным за матерями с грудными дѣтьми.

Обладатель такой счастливой привилегіи сознает свое превосходство над чернью, привыкает благодарить за него совѣтскую власть и считает себя благодѣтельствованным ею. Но дѣйствительно-ли он выиграл что-нибудь благодаря этой власти? Вѣдь в прежнее время очередей вообще не требовалось, все можно было купить в изобиліи без всякаго ожиданія и право внѣочередности ни для чего не пригодилось-бы. И не всякому принесло-бы нравственное удовлетвореніе осуществленіе этого права даже при наличіи на руках соотвѣтствующаго удостовѣренія, или, как говорят, „справки“. Никогда ожидающіе не уступают добровольно мѣста новому пришельцу, как-бы ни казались послѣднему убѣдительно его собственныя права на первенство. В очередях никогда не смолкают споры, перебранка. Эти занятія служат как для согрѣванія в долгія морозныя ночи, так и для облегченія мучительной скуки многих часов ожиданія. Таким образом для осуществленія своего права внѣочередности приходится всегда преодолевать стычки, в лучшем случаѣ словесныя, притом сопровождаемыя грубостями и личными оскорбленіями, а зачастую и с помощью локтей и кулаков. Находятся лица, которыя предпочитают выносить мучительныя ожида-

данія в очередях наравнѣ со всѣми, или, в случаѣ полной невозможности, на примѣр при неимѣніи времени, даже отказываться от самой цѣли ожиданія, чѣм добиваться такими приемами своего преимущества. Но, конечно, таких мало среди особ, удостоенных совѣтских привилегій. Другим, напротив, доставляет удовольствіе самый способ достиженія своей цѣли — самый случай показать себя перед „товарищами“.

VI.

Всѣми признана образцовая постановка военнаго дѣла в „соціалистической“ Россіи. Ея армія была создана Троцким, который за это получил достойную награду от диктатора Сталина. Но и теперь эта армія поддерживается в отличном порядкѣ. Она превосходно технически вооружена, обучена тактически и стрѣлково. Власти не жалѣют средств для укрѣпленія своих вооруженных сил, беспощадно обирая с этой цѣлью мирный народ Россіи. Такая политика плохо вяжется, конечно, с неумолкаемыми фразами о совѣтском миролюбіи, о Россіи, как о „единственном государствѣ в мірѣ, которое искренне заботится о разоруженіи“, с непрестанными обвиненіями всѣх сосѣдей в „поджигательствѣ войны“.

Устройство арміи послужит предметом отдѣльнаго очерка автора и здѣсь достаточно будет только упомянуть о нѣкоторых сторонах ея обезпеченія, на которыя совѣтская власть обращает наибольшее вниманіе и которыя вслѣдствіе этого могут считаться наиболѣе сильными. Сюда относится, во первых, довольствіе арміи. Его слѣдует признать хорошим даже в абсолютном масштабѣ, а тѣм больше значеніе пріобрѣтает оно в глазах солдат,

когда им предоставляется случай сравнивать свое положение с бытом разоренного, обездоленного гражданского населенія. Только в глазах безпристрастнаго наблюдателя правительству Россіи не дѣлает чести такая картина: сытая армія среди голоднаго народа.

Это улучшенное питаніе и одежда, эти привилегіи в нѣкоторых отраслях гражданской дѣятельности — все это служит существенными доводами в глазах солдат и младших офицеров — оставаться на сверхсрочную службу. Вербовщики несомнѣнно учитывают эти матеріальные мотивы, помимо высокопарных фраз о „защитѣ социалистическаго отечества“. Тѣ-же моменты играют роль и при вербовкѣ штатской молодежи в военные школы.

Вторая особо сильная сторона в подготовкѣ арміи — это проводимая в ней политическая агитація. Если она и отличается поверхностным характером, т.е. по большей части не проникает в глубь сознанія, то все-же она способна творить упорных фанатиков, готовых подчас даже жертвовать жизнью своею, или чужою — ради не понятых ими, но заученных фраз.

VII.

Уже Ленину оппозиціонеры дѣлали упрек в том, что он спекулирует на народном невѣжествѣ. Смысл заключается в том, что принимаемая правительством мѣры, методы его политики могут имѣть успѣх только благодаря преобладающей несознательности и неразвитости населенія, а также его низкой освѣдомленности об окружающем мірѣ в его настоящем и прошедшем. И дѣйствительно, совѣтская пропаганда (идейная реклама) в значительном числѣ слу-

чаев рассчитана на людей, слабо разбирающихся в элементарной логикѣ и не имѣющихъ вдобавокъ данныхъ для критическаго отношенія к получаемымъ свѣдѣніямъ о внѣшней средѣ.

Чѣмъ иначе можно объяснить хотя-бы подобное заявленіе Чичерина, когда, послѣ убійства Воровскаго в Женевѣ, совѣтская Россія объявила бойкотъ Швейцаріи: по его словамъ, прекращеніе притока русскихъ туристов в Швейцарію должно было привести к разоренію швейцарскихъ курортовъ, такъ какъ для англичанъ тамошніе отели слишкомъ дороги? Или объясненіе Зиновьева по окончаніи русско-польской войны, что этотъ миръ есть в сущности побѣда Россіи, хотя она и вынуждена отдавать Польшѣ излишнія территоріи и соглашаться на ея унижительныя требованія? Или фраза Ленина, особенно усердно распространяемая, о „несомнѣнной“ заслугѣ російскихъ коммунистовъ — извлеченіи стомилліоннаго народа из міровой (по совѣтскому „имперіалистической“) войны, когда именно этотъ актъ отсрочилъ окончаніе той-же войны на два лишнихъ года, а упоминаемый Ленинымъ русскій народъ ввергъ в пучину еще большихъ бѣдствій всякаго рода? Или это „собираніе интервенціи“, по совѣтскому выраженію, наивный пріемъ якобы с цѣлью уклониться отъ платежа долговъ царскаго правительства, но, конечно, рассчитанный на то, чтобы провести не иностранныхъ дѣятелей, а собственное свое довѣрчивое населеніе? Пріемъ заключался в томъ, что коммунисты предъявляли державамъ — бывшимъ союзницамъ Россіи в міровой войнѣ — счетъ за тѣ убытки, которые потерпѣло населеніе Россіи по винѣ антикоммунистическихъ („бѣлыхъ“) армій, на томъ основаніи, что эти послѣднія пользовались поддержкой названныхъ державъ. Жаль, что русскій народъ не имѣлъ тогда возможности предъ-

явить своему собственному правительству счет за тѣ — несравненно большіе — грабежи и притѣсненія, которыя он потерпѣл от его „красных“ войск! Впрочем, придет время, когда и этот счет будет предъявлен.

Этот список можно было-бы продолжать далеко. И какую-бы мы деталь ни разсмотрѣли совѣтской лжеинформации, пропаганды или рекламы — во всем мы убѣдимся, что „пролетарское“ государство разсматривает „хозяев страны“ — трудящихся, как стадо баранов, которые повѣрят всякой бреднѣ, какую им только преподнесут, которые ничего не помнят и не соображают. Еще болѣе очевидным станет этот взгляд, если посмотрим, на какіе слои населенія Россіи опирается главным образом совѣтская власть, на кого она в первую очередь рассчитывает, как на своих защитников.

Во первых, молодежь пользуется большим почетом и вліаніем в совѣтской Россіи. Уже с самаго нѣжнаго возраста дѣтей втягивают в политику, стараются как можно раньше начать воспитаніе в них коммунистическаго духа. Без сомнѣнія, молодость, как таковая, имѣет и свои положительныя стороны и притом немалыя, как то: инициативу, свѣжесть сил физических и духовных и т. д. Но коммунистов привлекает к молодости не все это, а наоборот, ея основная отрицательная черта: неопытность, незнаніе людей и свѣта и в связи с этим недоразвитость способностей критическаго мышленія. В самом дѣлѣ, ребят уже в 8 лѣт принимают в организацію так наз. „октябрат“: это необходимое условіе пріема даже в начальную школу. Затѣм они переходят в отряды так наз. „піонеров“ и наконец в коммунистическій союз молодежи. Дѣтям приходится принимать участіе в манифестаціях, распѣ-

вать хором правительственные гимны, расписывать плакаты с политическими лозунгами, нерѣдко даже выступать с рѣчами на собраніях и писать по заданію цѣлыя сочиненія и статьи в газетах — все на тѣ-же стандартизованныя политическія темы и все в том-же угодном для властей духѣ. Очевидно, что в раннем возрастѣ, когда умственные силы далеко еще не сформированы, ребенок безсознательно усваивает навязываемыя ему фразы и идеи, как предвзятая и необходимыя. Причина в том, что в своем собственном жизненном опытѣ, слишком ничтожном, он не находит никакой опоры, чтобы противостоять этим внѣшним вліяніям. И вот к тому времени, когда убѣжденія и склад мыслей окончательно кристаллизуются, — примѣрно к совершеннолѣтію — разумом окончательно овладѣвает предписанное міровоззрѣніе: человек перестает понимать, что можно мыслить иначе. Катехизис, заученный с дѣтства, входит в плоть и кровь и вот из чьей среды набирает совѣтская власть своих самых ярых поборников, наиболѣе надежных и наименѣе сознательных. Особенно полагается она на воспитанников „дѣтских домов“, т. е. пріютов для бездомных дѣтей и сирот: И дѣйствительно, эта категорія малолѣтних вырастает в условіях болѣе полного окруженія созданных правительством условій; они встрѣчают меньше отвлекающих впечатлѣній, препятствующих их образованію в требуемом духѣ.

Важно сопоставить с вышензложенными фактами отношеніе совѣтской власти к старикам, т. е. людям вообще с давно установившимися, как бы окаменѣвшими убѣжденіями, которым вдобавок обычно приписывается склонность недовѣрчиво и скептически подходить к каждому новому вѣянію. Конечно, здѣсь и рѣчи нѣтъ о поборниках стараго, т. е. до-

коммунистического строя, или о сторонниках других политических течений. Но каково положение даже тѣх стариков, которые были предтечами и творцами совѣтской власти — старых большевиков? Они также в немилости у правящей кучки, так как числятся по большей части в разных оппозиціях и „уклонах“. Виною отчасти с их собственной стороны недовольство окружающей дѣйствительностью, вызванное, быть может, ея рѣзким несоотвѣтствием с их прежними блестящими упованиями, тѣми идеалами социализма, ради которых они когда-то вели многолѣтнюю трудную борьбу. Но и сама сталинская диктатура опасается этой группы коммунистов, видя в них наиболѣе сознательную часть правительственной партіи и именно в силу этого самую непокорную, особенно склонную критиковать дѣйствія власти..... Под сффициальным лозунгом разгрома „правой“ и „лѣвой“ оппозиціи из коммунистической партіи были исключены ея творцы и вожди, старые соратники Ленина и предшественники Сталина.

Во вторых, коммунистическая власть дѣлает ставку на самые некультурные слои населенія — на наименѣ развитую часть рабочих и крестьян. Чѣм иначе можно объяснить хотя-бы тот знаменательный факт, что в цѣлом рядѣ городов Россіи одновременно, стало быть систематически, а не случайно, % грамотных среди членов совѣтов был ниже, чѣм среди мѣстнаго населенія в цѣлом? Извѣстно, как безсовѣстно фальсифицируются выборы в совѣты в странѣ, присвоившей себѣ наименование „совѣтскаго союза“: состав совѣтов ни в малѣйшей степени не отражает настроеній и намѣреній населенія, а вполне соотвѣтствует требованіям никѣм не выбираемых властей. Слѣдовательно, такой нарочитый отбор неграмотных на должности, правда, не столько

вліятельныя, сколько почетныя, должен преслѣдовать опредѣленныя цѣли и отражать особые замыслы правительства. В дѣйствительности мы имѣем здѣсь хитроумную фальсификацію демократіи, умѣлую передержку.

Во многих государствах міра, да и в прежней Россіи, случалось, что монархи окружали себя правительственными сановниками-аристократами. Конечно, народ не имѣл никакого представительства в этом правящем кружкѣ и его интересы вообще не сказывались на ходѣ политики. Но во всяком случаѣ власть короля (царя, императора и пр.) оказывалась фактически ограничена, так как он вынужден был дѣлиться ею с кучкой вельмож, при условіи, конечно, их достаточной дѣловитости и иных данных, обеспечивающих вліяніе. Примѣров из исторіи можно было-бы привести много (олигархія). Нынѣшній російскій диктатор Сталин ни с кѣм не хочет дѣлиться своею неограниченною властью. Ему не по сердцу даже тот вид олигархіи, который еще допускался при Ленинѣ. И вот для чего он разогнал всѣх умных совѣтников и не в мѣру вліятельных помощников — бывших вождей коммунистической партіи. Но чтобы скрасить свое самовластіе в глазах как самого населенія, так и довѣрчивых иностранцев, он окружает себя безпомощными, безгласными людьми, умышленно отобранными из наиболее отсталой части русскаго народа — этими неграмотными членами совѣтов, съѣздов совѣтов и центрального исполнительнаго комитета, которые, самое большее, могут произносить несвязныя рѣчи во славу начальства, но неспособны ни понять, ни провѣрить его дѣйствія по существу. Как тут не вспомнить об извѣстном ироническом совѣтѣ инока Вассіана молодому царю Ивану Грозному: „не держи

при себѣ совѣтников умнѣ себя, чтобы они не возымѣли над тобою власти“? В исторіи все повторяется.

Опять в качествѣ антитезы можно привести всѣм хорошо извѣстное отношеніе совѣтской власти к недобитым ею остаткам русской интеллигенціи. Стоит снова вспомнить хотя бы о том-же рядѣ процессов спеціалистов, сфабрикованных именно с цѣлью скомпрометтировать эту интеллигенцію. Важно отмѣтить, что такого рода разгром отнюдь не был вызван дѣйствительно противоправительственными настроеніями в ея средѣ, сочувствіем к прежнему низложенному строю, или активным противо-дѣйствіем новому. Даже наоборот, русскую интеллигенцію скорѣе можно упрекнуть в черезчур поспѣшной капитуляціи перед новым угнетателем, в унижительном раболѣпствѣ и на все готовой услужливости, чѣм в смѣлой охранѣ своих традицій и убѣжденій. Стало быть, между совѣтской властью и старой интеллигенціей не было борьбы в точном смыслѣ слова: это понятіе включает в себя двусторонность, взаимность враждебных дѣйствій. А здѣсь, напротив, было одностороннее истребленіе при тупом покорствѣ с другой стороны: не битва, а бойня.

В третьих, слѣдует отмѣтить особое пристрастіе коммунистической диктатуры к отсталым, наименѣ развитым народностям Россіи. По словам Троцкого, который тогда еще был в силѣ, тюркская женщина, вступившая в коммунистическую партію, стоит больше, чѣм Макдонольд, Гендерсон и всѣ прочіе вожди европейскаго рабочаго движенія. Такое-же отношеніе к коммунистической пропагандѣ среди некультурных народов сохранилось у правящей группы и по сіе время.

ГЛАВА ВТОРАЯ. АХИЛЛЕСОВА ПЯТА СТАЛИНА.

I.

Как я пытался показать в предыдущем изложении, наиболее сильной стороной сталинской диктатуры является несравненная постановка пропаганды — идейной рекламы. Как сѣтями, она опутывает ею тѣла и души своих подданных, добиваясь того, чтобы всегда и вездѣ, наяву и во снѣ, перед ними маячило все только одно: все тѣ-же назойливыя, неотвязныя фразы. И он достигает своей цѣли в смыслѣ воздѣйствія на психику русскаго народа: дѣйствительно, в большинствѣ случаев как слабыя, так и сравнительно сильныя натуры поддаются дурману моноидеизма, теряют самостоятельность в мышленіи и наконец начинают вѣрить в то, что им-же казалось раньше нелѣпым и возмутительным. Но и в такой, казалось-бы, безукоризненной сѣти есть своя прорѣха, свое слабое мѣсто; и эта слабость заключается в том, что основою для совѣтской пропаганды служит ЛОЖЬ.

Ничто построенное на лжи не может быть прочно. Исторія не знает примѣров, когда торжество лжи, хотя-бы и очень распространенное и продолжительное, было-бы окончательным. Истина неизбежно всплывает на поверхность, хотя иногда и очень нескоро, и человѣчество, при всем своем могуществѣ, не имѣет силы похоронить ее безвозвратно.

Не существует на землѣ таких стѣн, замков и часовых, которыми можно было-бы наглухо отгородить десятую часть человѣчества, при современном его состояніи, от остальных девяти десятых. Вѣсти

и слухи будут неизбежно проникать из вольнаго міра, как просачиваются струи свѣжаго воздуха через расщелины в стѣнах промозглой тюрьмы. И пока человѣческое существо не лишено окончательно присущаго ему образа, не обрстет шерстью и не поползет на четвереньках, у него нельзя отнять вполне и навѣки чувство дѣйствительности, нельзя отнять жажду сочувствія и справедливости, если не для других, то хоть для себя.

Но если извѣстія из-за границы проходят свободно и без препятствій, тогда получающіе их имѣют возможность отнести к ним критически, сличать между собою данныя из разных источников, обсуждать друг с другом их достовѣрность. Когда же до обывателя доходят только отрывки, темныя сплетни, которыя он боится даже слушать, тѣм болѣе передавать, он склонен вѣрить всему, даже явной клеветѣ. Такія настроенія особенно имѣют успѣх при той, дѣйствительно в настоящее время сложившейся в Россіи обстановкѣ, когда всѣ изголодались по свѣжим, свободным вѣстям, не носящим отпечатка совѣтской пропаганды, и мало того, когда всѣ начинают понемногу, в большей или меньшей степени, подозрѣвать что-то неладное в одностороннем, вѣчно ликующем тонѣ официальной информации. Но об этом подробнѣе послѣ.

Давно уже доказана и логически и фактически не только негуманность, но и прямая нецѣлесообразность притѣсненій слова и печати — вообще безгласности. Можно было-бы привести много литературных указаній по этому вопросу. И надѣяться в настоящее время на подобныя мѣры для огражденія своих подданных от вредных вліяній — значит проявить не только отсталый и реакціонный харак-

тер своего режима, но сверх того и политическую недалёковидность.

Надо сознаться, что в настоящее время большинство русского народа еще не создало всей лживости советской информации — не замечает ее. Мне случалось слышать разговоры даже в среде интеллигенции о советской информации в таком духе: „конечно, сведения, которые нам подносят в газетах, односторонни, тенденциозно подобраны, но во всяком случае по существу они верны. И такие мнения высказываются даже в тех, в высшей степени редких в современном российском быту условиях, когда говорящий находится в тесном кругу близких знакомых, со стороны которых он не боится доноса. Но обыкновенно даже тогда присутствующие опасаются возражать ему что-нибудь по существу основного утверждения. Со специальной целью проверить это, действительно широко распространенное, мнение, я целый месяц внимательно изучал основную руководящую советскую газету, самое заглавие которой особенно располагает к доверию — „ПРАВДА“. К тому же, это в известном смысле чуть-ли не единственная газета на всей обширной территории России, так как все остальные занимаются только перепечатыванием, или переводами из нее статей на пятьдесят языков. Я проверял содержание этой газеты со специальным намерением — убедиться в том, могут ли эти сведения быть правдивыми? Могут ли я им верить по чистой совести? Следует иметь в виду, что я не имел под руками никаких материалов для сопоставления, так как никакая иностранная печать внутри России не допускается, а вся российская печать, как уже было указано, занимается только списыванием известий и статей из той же „Правды“. Следовательно, я на-

ходилъся в идеальных условіях совѣтскаго читателя, т. е. именно таких, которыя наиболѣе желательны и выгодны для коммунистическаго господства. И несмотря на это, я пришел к совершенно неожиданному для нѣкоторых, а сначала и для меня самого поразительному результату, который можно выразить в слѣдующих положеніях:

а) Всѣ свѣдѣнія „Правды“, которыя были доступны моей провѣркѣ, были несомнѣнной и очевидной ложью.

б) Всѣ свѣдѣнія, не заключающія в себѣ явной лжи и противорѣчія, были недоступны моей провѣркѣ.

Исключенія из этих правил мнѣ не встрѣчались. Чтобы не быть голословным, я приведу сейчас в основных чертах содержаніе одного номера „Правды“, взятаго наудачу, который мнѣ придется цитировать по памяти, так как сейчас у меня, к сожалѣнію, нѣтъ матеріалов под рукой.

На первой страницѣ извѣстіе о том, что государственный суд в Польшѣ приговорил к смертной казни трех человек, „обвиняемых в принадлежности к коммунистической партіи“ — буквальное выраженіе, взятое из „Правды“. Но в том-же номерѣ „Правды“, или в ближайших, мы найдем отчет о чрезвычайно смѣлой рѣчи коммунистическаго-же депутата в польском сеймѣ. Слѣдовательно, коммунистическая партія была тогда легальна в Польшѣ, настолько, что имѣла даже своих представителей в парламентѣ. Но за принадлежность к легальной партіи ни в каком государствѣ судить и наказывать не могут. Итак, чѣм-же была приведенная информация „Правды“? — ЛОЖЬЮ.

Читая дальше, узнаем, что „пятилѣтній план“, поскольку он касается угольной промышленности, с

успѣхом выполняется в два с половиной года. Свѣдѣніе само по себѣ не заключает ничего невозможнаго. Но переверачивая страницу, мы находим на другой сторонѣ извѣстіе, напечатанное болѣе мелким шрифтом и тѣм самым менѣе доступное лицам, окончившим совѣтскія школы обученія грамотности — о том, что Донецкій бассейн уже второй год не выходит из полосы так наз „прорывов“, по совѣтскому выраженію — это значит, что производственные планы в нем выполняются систематически на 60 %. Но нетрудно вѣдь сообразить, что Донецкій угольный бассейн поставляет в настоящее время подавляющее большинство російской угольной продукции, так что Московскій, Кузнецкій и другіе бассейны пока прибавляют к нему только очень незначительную, относительно, часть. На счет чего-же с таким блестящим успѣхом покрываются столь глубокіе „прорывы“? Либо здѣсь имѣли мѣсто характерныя для коммунистов беззащѣнчивыя передержки со всякими „генеральными“, „пятилѣтними“ и „встрѣчными“ планами, изобрѣтенными нарочно для того, чтобы сбить с толку всякаго критическаго наблюдателя и исключить возможность провѣрки предлагаемых данных; либо обыкновенная грубая спекуляція на народном невѣжествѣ: в том и в другом случаѣ приведенная информация из „Правды“ была — ЛОЖЬЮ.

Читаем дальше о том, что „трудящіеся“ цѣлаго ряда городов и уѣздов Россіи — множество статей подряд — требуют дополнительнаго выпуска какого-нибудь займа „индустриализаціи“ и голосуют за всеобщую подписку на него в размѣрѣ 150 % мѣсячнаго заработка. Тут уже ничьего посторонняго свидѣтельства не требуется, чтобы подтвердить достовѣрность этого свѣдѣнія. Сам я был в числѣ

этих трудящихся, сам голосовал — вот не помню только, за 150 % или за 200 %: не разслышал во время собранія, так как сосѣд шептал что-то на ухо, а в это время как раз всѣ стали поднимать руки, пришлось поднять и свою. Впрочем, это неважно, о процентѣ узнаю в день получки, по размѣру вычета из жалованія. Видѣл я и настроенія своих товарищей по собранію, и других сограждан в уличных демонстраціях и могу засвидѣтельствовать всѣм извѣстный внутри Россіи факт, который подтвердили-бы сто милліонов голосов, если-бы им дали свободу:

— Басня о том, будто населеніе Россіи само требует выпуска государственных займов и добровольно на них подписывается, хотя она и публикуется в „Правдѣ“ — есть ЛОЖЬ!

Остальныя страницы газеты заполнены извѣстіями, тоже поступающими из разных мѣст Россіи, о резолюціях протеста и негодующих демонстраціях народа против недавно сказанной Зиновьевым рѣчи. Если-бы даже здѣсь не было моего личнаго свидѣтельства, подобно предыдущему случаю, то на помощь пришли-бы общія соображенія. При всей тщательности розысков, мнѣ не удалось найти в „Правдѣ“ за прошедшіе дни или мѣсяцы ни малѣйшаго упоминанія о самом хотя-бы общем смыслѣ названной рѣчи. О второстепенной и провинціальной печати при этих условіях и говорить не приходится. На созванных по этому поводу собраніях, на которых всѣм приходилось присутствовать, тоже никто существа дѣла не касался. Слѣдовательно, всѣм этим негодующим русским „трудящимся“ оставалось совершенно неизвѣстно, на что именно они негодуют. Но протестовать против неизвѣстно какого дѣянія невозможно: итак, по-

слѣднее упомянутое сообщеніе „Правды“ тоже было — ЛОЖЬЮ.

И если-бы мы просмотрѣли дальнѣйшія страницы „Правды“, всѣ, подряд, нам попадались-бы такія-же, завѣдомо ложныя, сообщенія. Прочитаем-ли мы о народных демонстраціях, о „добровольных“ денежных пожертвованіях, или безвозмездных работах, об активном участіи русских „трудящихся“ в перевыборах „совѣтов“ — и т.д., все это, по самом бѣглом разсмотрѣніи, оказывается не соответствующим дѣйствительности.

Что-же есть в „Правдѣ“, кромѣ ЛЖИ? Что-же остается, за изъятіем всего перечисленнаго? Остается то, что россійскій обыватель (а только на этого читателя и рассчитана пресса) — не может подвергнуть контролю за неимѣніем данных, то, что он вынужден принимать на вѣру. Остается какая нибудь забастовка на островѣ Кубѣ, или пониженіе жизненнаго уровня в Америкѣ, или всеобщее желаніе крестьян Бессарабіи присоединиться к совѣтской Россіи — это с одной стороны, а с другой — повышеніе культурнаго уровня в Башкирской республикѣ, успешное выполненіе „пятилѣтняго плана“, поскольку он касается нефтяной промышленности, и т.п.

Убѣдиться в правотѣ этихъ разсказовъ русскій читатель не имѣет возможности за отсутствіем сопоставленія и потому дѣло его совѣсти — вѣрить или не вѣрить им.

Но ничто в моихъ наблюденіяхъ не разсѣяло сначала сложившагся, столь парадоксальнаго с перваго взгляда впечатлѣнія. Практическій вывод, который я сдѣлал из этого опыта, заключался в том, что я перестал читать „Правду“, а вмѣстѣ с тѣм и всю побочную совѣтскую печать, не надѣясь больше извлечь из нея никакихъ положительныхъ свѣдѣ-

ній. Повторяю, что я все это пишу на память, но если бы я сейчас располагал документальными материалами, то мог бы сделать картину несравненно убедительнее.

В „Правдѣ“ есть только два вида извѣстій: несомнѣнная ложь — и сомнительныя свѣдѣнія, которыя могут быть и правдой и ложью и разобраться в которых не в силах ни я, ни какой другой совѣтскій читатель.

— Что я понимаю, тому не могу вѣрить. Чего не понимаю, тому вынужден вѣрить — таков должен быть девиз всякаго правовѣрнаго совѣтскаго читателя, неожиданная перефразировка стараго изрѣченія *Томы Аквинскаго*:

— *Credo quia absurdum est.*

Но из всего этого необходимо сделать логическій вывод. Не я один, должно быть, оказался способен замѣтить столь дикія противорѣчія и несообразности в „Правдѣ“. Даже гипнотизирующая обстановка моноидеизма не в силах совершенно лишитъ человѣка элементарнаго здраваго смысла. Мало по малу должно распространиться даже в угнетенном, обезличенном совѣтском обществѣ сначала подозрѣніе, затѣм все болѣе ясное сознаніе ложности преподносимых свѣдѣній. Этому постепенному пониманію скорѣе даже способствует то грандіозное нагроможденіе вымыслов, под которым совѣтская власть пытается похоронить слѣды истины. А из этого развивающагося убѣжденія послѣдовательно возникают догадки о цѣлях и мотивах такого всеобщаго облыганія. Неизбѣжно напрашиваются соображенія в таком родѣ:

— Для чего совѣтская власть так тщательно старается замазать дѣйствительность, убаюкивая русскій народ баснями? Если бы все в реальной об-

становкѣ было благополучно, ей не понадобился-бы такой рискованный приемъ.

И так рождается критическое отношеніе к дѣйствительности. Совѣтская пропаганда основана на лжи, в этом ея слабость. При всем совершенствѣ в построеніи зданія, фундамент непрочен и неизбежно должен разрушиться в свое время.

Надо быть свидѣтелем той сенсациі, ни с чѣм несравнимой, которую вызывает в россійской средѣ каждое вольное слово, каждое малѣйшее признаніе жизненной правды. Все равно, носит-ли такое проявленіе характер явно оппозиціонный, или оно оказывается только свободным от обычнаго тона совѣтской рекламы, хотя-бы и не прямо враждебным ей. Примѣром можно привести судьбу тѣх номеров газеты „Правда“, в которых была опубликована послѣдняя дискуссія, имѣвшая мѣсто в центральном комитетѣ — во время 15-го съѣзда коммунистической партіи, послѣ котораго всякія дискуссіи были на вѣчныя времена воспрещены. Особенным успѣхом пользовались тѣ два номера, в которых были помѣщены рѣчи четырех вождей оппозиціи — Троцкаго, Зиновьева, Смилги и Евдокимова, послѣднія перед их исключеніем из партіи. Надо было видѣть, с какой жадностью расхватывался номер, содержащій рѣчь Троцкаго, хотя в ней по существу не было почти никаких политических разоблаченій, а главным образом личныя нападки на Сталина. Перед газетчиками выстраивались длинныя очереди, чего вообще никогда не бывает: газета „Правда“ не пользовалась популярностью, особенно в то время, когда ей составляли сильную конкуренцію „Извѣстія“: тираж „Правды“ поддерживался главным образом принудительной подпиской. На слѣдующій день послѣ появленія оставшіеся номера „Правды“ про-

давались, говорят, перекупщиками за 5 рублей вмѣсто номинальных 5 копеек. С этой-же жадностью расхватывали всѣ номер журнала „Большевик“, в которых было помѣщено предсмертное письмо самоубійцы Юффе, полное дѣйствительно смѣлыми и цѣнными признаніями. Впрочем, этот номер был скоро изъят из продажи.

Можно смѣло сказать, что любая оппозиціонная прокламація, дѣйствительно мѣтко бьющая по мрачным стороны совѣтскаго деспотизма, имѣла-бы сразу громадный успѣх: она произвела-бы впечатлѣніе перваго луча свѣта послѣ долгаго блужданія во тьмѣ. Здѣсь играло-бы роль, в качествѣ фактора такого успѣха, постепенно нарождающееся сознание ложности совѣтской информаціи в ея основах. Эти смутныя пока догадки нашли-бы себѣ оформленіе в предложенном матеріалѣ, подкрѣпленіе, приобрѣли-бы силу. Но этот фактор был-бы не единственным.

Независимо от отношенія к самому содержанію коммунистической рекламы, т. е. от довѣрчиваго или скептическаго воспріятія ея, все шире распространяется инстинктивное отвращеніе к ней. Совѣтская пропаганда надоѣла всѣм, тяготит всѣх. „Правда это или нѣтъ, то, что они пишут, но зачѣм об этом твердить всегда и вездѣ, по сто раз в день, во всевозможных формах, по любому поводу?“ — вот мысли, или, вѣрнѣе, пока неоформленныя переживанія, которыя находят себѣ все больше приверженцев среди русскаго народа.

Примѣры таких настроеній можно встрѣтить — и притом особенно часто — в средѣ членов коммунистической партіи, а также командиров и солдат арміи, которые, как извѣстно, подтверждаются наиболее усиленной политической обработкѣ. Возьмем, напримѣр, их отношеніе к распространенным народ-

ным развлеченіям — радіопередачѣ, кинематографу. Главное содержаніе радіопередачи составляют политическія рѣчи „вождей“ или зачитываніе послѣдних номеров газеты; но иногда пропускается музыка, пѣніе, метеорологическая или иная научная информация. Радиолюбитель, который с интересом слушает такія нейтральныя свѣдѣнія, хотя-бы и совершенно чуждыя ему по существу, выключает с тоскою и зѣвая штепсель, как только рѣчь опять заходит об этих истасканных, пріѣвшихся „коллективных хозяйствах, ударных бригадах, встрѣчных планах“ и пр. Когда на афишѣ кинематографа появляется заглавіе „революціонной“ картины, даже командиры-коммунисты уныло отворачиваются: „вѣдь уже было все это, каждый день с утра до вечера одно и то-же, когда-же конец? “Таковы бывают мысли, а иногда и обрывки разговоров. На такія картины ходят только за неимѣніем другого развлечения в глуши. Но перед кассой тотчас удваивается оживленіе, как только обѣщан заграничный фильм. Что ожидают увидѣть на нем истосковавшіеся, изголовавшіеся по вольному воздуху совѣтскіе узники? Отнюдь не анти-коммунистическую пропаганду, конечно: иностранныя фирмы не занимаются такими скучными темами, да если-бы и появился гдѣ-нибудь подобный фильм, то его не допустили-бы до совѣтских зрителей. Нѣтъ, они с жадностью слѣдят за свободной жизнью, избавленной от того удушливаго идейнаго гнета, который тяготит их так давно. Все, что они встрѣчают на экранѣ, кажется им таким чуждым, далеким от окружающей их тусклой, однообразной дѣйствительности. Они смутно сознают превосходство „потусторонняго“ красиваго быта над их собственным. Но и независимо от чувства зависти в их умѣ разгорается любопытство.

Лучшее или худшее, но „там“ что-то совершенно иное, на что так хотѣлось-бы взглянуть хоть одним глазом. И это служит само по себѣ достаточно сильной антикоммунистической агитаціей. Впрочем, этот вопрос был уже отчасти разобран в зарубежной печати, почему мы на нем не останавливаемся подробнѣй.

III.

Итак, мы видим, что самая безукоризненная постановка рекламы, непрерывное окруженіе моноидеизма, представляя силу совѣтскаго строя в Россіи, в то-же время таит в себѣ его слабость, угрозу для прочности всего сооруженія. К счастью, этим пунктом не ограничивается перечень слабых сторон коммунистическаго строя, хотя и приходится признаться, что настоящая глава, посвященная Ахиллесовой пятѣ Сталина, будет значительно короче, чѣм предыдущая, трактовавшая о его силѣ. Мы, противники російскаго коммунизма, не должны закрывать глаза на то, что нам предстоит вести борьбу с одною из наиболѣе могущественных корпорацій на земном шарѣ.

Но слабыя стороны можно усмотрѣть и в состояніи правительственной (а не правящей, как многіе неправильно говорят) партіи коммунистов.

Рост коммунистической партіи достигается зачастую помощью стадных наборов, при которых провѣряется главным образом „соціальное происхождение“, но отнюдь не идейная и интеллектуальная подготовленность кандидата. В результатѣ массовое незнаніе устава и программы коммунистической партіи уже принятыми в нее членами, непониманіе символа „с.с.с.р.“, грубѣйшее историческое и геогра-

фическое невѣжество. Обо всѣх этих и подобных фактах указано в другом очеркѣ. Далѣе, поверхностность прибрѣтенных политических убѣжденій, изувѣрская охрана внѣшности, слова при непониманіи сути и т. д. А отсюда непрочность мнѣній, не проникших в глубь сознанія, их неустойчивость перед напором мѣтко дѣйствующих доводов, будь то со слов чужого убѣжденія, или под давленіем отрезвляющей дѣйствительности.

III.

Мнительность всегда и во всем считается признаком затаенной болѣзни. Так и в политикѣ. Если власть чувствует себя дѣйствительно прочной, она не прибѣгает к крайним мѣрам для охраны своей безопасности. Террор, усилившаяся подозрительность, напряженное ыслѣживаніе неблагонадежных лиц, всѣ эти признаки всегда обнаруживают отсутствіе самоувѣренности, приближающійся уладок правительства. Это не относится, конечно, к революціонному террору только что возникшаго правительства, которое спѣшит подавить им сопротивленіе приверженцев стараго строя. Но вѣдь період русской революціи закончился фактически давно, хотя Сталин и его приверженцы продолжают официально именовать себя по привычкѣ революціонерами. В дѣйствительности, послѣднее названіе принадлежит теперь по праву тѣм партіям, которыя борются против коммунистическаго деспотизма за установленіе в Россіи новаго національнаго правительства.

Во всяком случаѣ усилившійся в послѣднее время красный террор — это признак не молодости, а старости, это отчаянныя усилія обанкротившейся

власти залить в крови все возрастающее недовольство, устранить поводы к которому она уже не в состояніи.

Мы не будем здѣсь говорить о кровавом террорѣ, о разгулѣ сыщиков и палачей, о Лубянских застѣнках, о Соловецкой и Нарымской каторгѣ, которыя в послѣднее время пожинают такую обильную жатву. Эти вопросы удовлетворительно освѣщаются передъ заграничною публикой, хотя приходится сознаться, что и здѣсь ряд пунктов не находитъ себѣ разъясненія. Подобные факты краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Исторія показываетъ нам на многихъ примѣрахъ безуспѣшность всѣхъ попытокъ сохранить власть такими мѣрами устрашенія. Страны с наибольшимъ развитіемъ деспотизма всегда представляли наилучшую почву для расцвѣта анархіи (Ассирія, Византія, Турція).

Зато слѣдовало-бы особо остановиться на своеобразномъ идейномъ террорѣ, который, повидимому, представляетъ личное изобрѣтеніе Сталина (если при Ленинѣ он и был, то менѣе замѣтен). Главная сила коммунистической партіи при ея первомъ вождѣ заключалась в единствѣ. На словахъ и понынѣ остались высокопарные лозунги о „стальномъ единствѣ ленинской партіи“, но на дѣлѣ ни от единства, ни от ленинизма не осталось ни слѣда.

При такомъ искусствѣ диссимуляціи непріятныхъ для совѣтской власти фактовъ и фальсификаціи собственной исторіи, которымъ обладаетъ коммунистическая диктатура в Россіи, затруднительно пока рѣшить, дѣйствительно-ли при Ленинѣ вовсе не возникали глубокія разногласія в средѣ ея вождей, или Ленин умѣлъ во время подавлять ихъ силой своего убѣжденія и авторитета. Официальный отвѣтъ сталинской группы склоняется на сторону второго объ-

ясненія. Но такое предпочтеніе может быть неискренним. Во первых, Сталин пытается оправдать свое собственное неумѣніе предотвратить партійный разлад послѣдних лѣтъ, доказывая, что подобныя явленія всегда были. Во вторых, Сталин упрекает нынѣшних вождей коммунистической оппозиціи (Троцкаго, Бухарина и др.) в том, будто-бы они всегда исповѣдовали свои неправильные взгляды, всегда пытались вести борьбу против „генеральной линіи“, и на основаніи этого он пытается отрицать их революціонныя заслуги. Как извѣстно, Троцкій возвращает Сталину тот-же упрек — в исконной оппозиціонности.

Не стоит останавливаться на разгромѣ старой гвардіи большевизма, этом русском термидорѣ, по выраженію Троцкаго. Формальная сторона дѣла хорошо извѣстна всѣм по довольно подробному и откровенному освѣщенію в совѣтской прессѣ. В то-же время относительно сути большей части разногласій по крайней мѣрѣ населеніе Россіи осталось в неведѣніи: власти не любили разглашать эти свѣдѣнія и предпочитали подмѣнять их искусственно подтасованными фразами. Но не подлежит сомнѣнію, что Сталин сам подкопался под основы своей диктатуры, лишив себя вліятельных и опытных помощников, не умѣв предварительно, очевидно, покорить их своему верховному руководству, как это дѣлал Ленин. . Окружив себя послушными безличными сатрапами, Сталин сам себя лишил смѣны, как это неоднократно указывалось в оппозиціонной печати.

В связи с этим стоит так необычайно усилившаяся в послѣднее время подозрительность одинокаго диктатора. Давно уже не представляется явнаго повода для разоблаченій в измѣнѣ — открытых печатных или устных нападок на власть. Тогда она на-

чинает придиратся, ловить на словѣ, выкапывать „заднія мысли“. Много примѣров приведено в книгѣ автора „Красные вандалы“, глава „Совѣтская наука“.

Преслѣдованія, которымъ подвергаются совѣтскіе горе-ученые, пытающіеся заслужить себѣ милость лестью перед властями, часто по совершенно неожиданнымъ обвиненіямъ, порождаютъ в нихъ особенную робость.

Однажды на принудительномъ собраніи, посвященномъ пресловутому процессу „вредителей“, профессоръ И. выступилъ с рѣчью на мотивъ „чего изволите“. Онъ требовалъ для всѣхъ обвиняемыхъ суроваго наказанія и надѣялся такимъ благороднымъ пріемомъ заслужить милость начальства. Но онъ имѣлъ неосторожность ввести в свою рѣчь одну мысль, не входящую в утвержденные центральнымъ комитетомъ тезисы по этому вопросу — и за такую смѣлость немедленно поплатился. Мысль заключалась в томъ, что эти, дескать, вредители, агенты классоваго врага, представляютъ собою такую жалкую силу, такое ничтожество, которое напрасно старается остановить могущественное шествіе социалистическаго строительства. При всемъ видимомъ сервизмѣ этой самодѣльной идеи (по совѣтскому „отсебятины“) в ней тотчасъ же былъ обнаруженъ „уклон“. Послѣ окончанія рѣчи взялъ слово одинъ студентъ, членъ коммунистической молодежи, который с жаромъ объявилъ, что „в только что заслушанной рѣчи товарища-профессора мы имѣли явную вылазку классоваго врага! Онъ пытается усыпить нашу пролетарскую бдительность! Онъ стремится увѣрить насъ, что не стоитъ тратить время и вниманіе на борьбу с такимъ ничтожнымъ врагом!“ — и дальнѣйшимъ развитіемъ этого хода мыслей оппонентъ заполнилъ предоставленные ему

по регламенту 10 минут.

Рѣчь студента была награждена щедрыми и на этот раз дѣйствительно заслуженными рукоплесканіями. Поистинѣ, это был один из немногих случаев, когда общественное усердіе находит себѣ оцѣнку по справедливости.

Создавшаяся под вліяніем таких гоненій робость объясняет в свою очередь всеобщую готовность къ покаяніям и самообличеніям, къ отреченію от собственных воззрѣній послѣ того, как власти обнаружат их еретическій характер. Эта черта сама по себѣ заключает много комическаго, особенно когда такія унижительныя рѣчи появляются в устах еще недавно вліятельных особ, как напримѣр Ярославскаго или Рыкова, который тогда еще продолжал оставаться в чинѣ премьер-министра, замѣстителя Ленина. Но еще забавнѣе появившійся в послѣднее время обычай „заблаговременнаго покаянія“ в грѣхах, которые еще не изобличены, но могут быть изобличены. Злополучный автор еще даже не знает, в чем заключаются допущенныя им „ошибки“, но уже заранѣе увѣрен, что услужливые доносчики что-нибудь да обнаружат в его трудѣ. Поэтому он, согласно обычной формулѣ, „заранѣе отрекается от всѣх ошибок, которыя могут быть обнаружены оппонентами“. В высшей степени комическіе примѣры такого заблаговременнаго покаянія в грѣхах, еще неизвѣстных самому преступнику, были опубликованы и в совѣтской прессѣ (юмористическій журнал „Крокодил“). Совѣтская власть сама начинает высмѣивать созданную ею-же всеобщую атмосферу безправія и запуганности. Русская интеллигенція напоминает теперь испуганнаго ребенка ночью в саду, который каждый куст принимает за волка и сам подчас смѣется, убѣждаясь в своей ошибкѣ.

IV.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Остается добавить еще немного о произведенном правительством Сталина разгромъ русской литературы, науки и искусства. Факт сам по себѣ достаточно извѣстен и подробнѣ освѣщен в книгѣ „Красные вандалы“. Но напрасно Сталин думает, что это варварство пройдет ему безнаказанным, подобно французским революціонерам, которые казнили Лавуазье, считая, что химія не нужна для республики. Мы здѣсь не грозим Сталину карой от руки его будущих предполагаемых побѣдителей, но просто от неизбѣжных послѣдствій его собственных дѣяній. Россія не может держаться без интеллигенціи и специалистов. Одной „революціонной совѣсти“ и „классоваго самосознанія“ для ея благосостоянія недостаточно. И Сталин сам лишает себя этой необходимой опоры, не имѣя фактически возможности дать ничего новаго взамен дѣятельно разрушаемаго им стараго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе. От Шанхайскаго Отдѣленія Національнаго Союза Новаго Поколѣнія . . 3

Реклама идей.

1. Введеніе	9
2. Изоляція	12
3. Искусственный язык	17
4. Переименованія	19
5. Государственный юмор и сатира	31
6. Словесная фальсификація	35
7. Внушеніе дѣйствиєм	41
8. Идолопоклонство	57
9. Заключение	62

Сила Сталина и его Ахиллесова пята.

Введеніе	65
Глава первая. Сила Сталина	66
Глава вторая. Ахиллесова пята Сталина	93

Имѣются в продажѣ книги того-же автора:

„КРАСНЫЕ ВАНДАЛЫ“. Обзор состоянія науки в совѣтской Россіи. Шанхай 1934.

Из отзывов печати: „Книгу г. Завротскаго мы настойчиво рекомендуем прочесть всѣм русским людям, в коих не угас дух борьбы за Родину и Истину“. (Слово, 25 апрѣля 1934 г. передовая статья).

* * *

„ВЫБОРЫ И ДЕМОКРАТІЯ В СОВѢТСКОЙ РОССІИ“. Харбин 1933.

Газета „Рупор“ от 12 мая 1933 года посвятила этой книгѣ подробную рецензію „Права сталинских рабов“, в которой указывает, что долг всякаго эмигранта поддерживать и распространять подобныя изданія.

* * *

„Проект механическаго интегратора линейных обыкновенных дифференціальных уравненій второго порядка“. На французском и русском языках. Шанхай 1934.

Из отзывов печати: „Выпуск подобнаго рода трудов для Дальняго Востока и, в частности, для Шанхая, совершенно необычен и можно только пожелать, чтобы встрѣтил в ученых кругах тот пріем, котораго он заслуживает“. („Парус“, № 24, 1934 г.)

